

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CHRISTIAN THEME
IN SOVIET LITERATURE

A thesis submitted to
the Faculty of Graduate Studies and Research
in partial fulfilment of the requirements
for the degree of
Master of Arts

by
Valerie Prager

(c)

Department of Russian and Slavic Studies
McGill University

Montreal

March, 1993

ACKNOWLEDGEMENT

I would like to thank McGill University for providing me a job as a T.A. during the time of my graduate studies, which has given me the necessary financial support. I am also grateful to Professor T.A. Patera, my adviser, for her continuing help in research, and for her advice during the course of the writing. Without her help this work would not have been completed.

ABSTRACT

During the 70 years of the Soviet regime the officially approved soviet literature consistently reflected exclusively materialistic world view. As a result, there were very few critical works, published in the West, dealing with Christian theme in Russian literature of the Soviet period.

Surprisingly, literature with christian theme did exist in the years of militant atheism. Such literary works raised questions about purpose of life, about truth, moral courage and the person of Christ. These books were published during the 60 s, the time of "thaw", and became a focal point of public discussions. Two of them - Bulgakov's "Мастер и Маргарита" and Pasternak's "Доктор Живаго" - were internationally acknowledged as major literary works.

This study will examine in detail and compare five literary works with christian content, published in the soviet years of Russia. Two of them were mentioned above. The other three are "Плаха" by Aytmatov, "Джвари" by Alfeeva and "Факультет ненужных вещей" by Dombrovsky.

The existence of such literature proves that all the efforts to suppress human spirit and its longing for Absolute have failed.

РЕЗЮМЕ

На протяжении 70 лет советского режима официально одобренная литература неизменно отражала исключительно материалистическую точку зрения на мир. В результате этого на Западе было опубликовано очень мало критических работ, рассматривающих христианскую тему в русской литературе советского периода.

Но, как ни странно, такая литература существовала даже в годы воинствующего официального атеизма. Эти литературные произведения поднимали вопросы о смысле жизни, об истине, о нравственном мужестве и о личности Иисуса Христа. Некоторые из этих книг были опубликованы в 60-е годы, во времена "оттепели", и они стали центром многочисленных публичных дискуссий. Две из них, - "Мастер и Маргарита" М. Булгакова и "Доктор Живаго" Б. Пастернака были признаны в международных литературных кругах выдающимися литературными произведениями наших дней.

В данном исследовании будут подробно рассмотрены и сопоставлены друг с другом пять литературных произведений, затрагивающих христианскую тему, опубликованных в России в годы советского режима. Два из них были упомянуты выше. Три остальных - это "Плаха" Ч. Айтматова, "Джвари" В. Алфеевой и "Факультет ненужных вещей" Ю. Домбровского.

Существование подобной литературы свидетельствует о том, что все попытки до конца сломить человеческий дух и его стремление к Абсолюту потерпели поражение.

RESUME

Pendant les 70 ans du régime soviétique la littérature officiellement approuvée par le gouvernement reflétait une vision du monde essentiellement matérialiste. De ce fait, très peu d'ouvrages critiques traitant le thème chrétien dans la littérature russe de l'ère soviétique ont été publiés en occident.

Curieusement, le thème chrétien existait dans la littérature soviétique pendant les années de militantisme athée. Ces œuvres littéraires soulevaient des questions relatives au sens de la vie, de la valeur, du courage moral et de la personne du Christ. De tels livres furent publiés pendant les années 1960, au cours du "dégel", et devinrent un sujet important de discussion publique. Deux de ces œuvres - "Мастер и Маргарита" de Boulgakov et "Доктор Живago" de Pasternak - ont été reconnues comme des œuvres majeures de la littérature internationale.

Ce travail examine et compare cinq œuvres littéraires dont le thème est chrétien et qui ont été publiées pendant la période soviétique de la Russie. Nous avons déjà mentionné deux d'entre elles. Les trois autres sont "Пастах" de Aitmatov, "Дьявол" de Мелева et "Дакы и тей пчу диня вешен" de Dombrowski.

L'existence d'une telle littérature prouve que tous les efforts pour supprimer l'esprit humain et sa quête d'absolu sont demeurés vains.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава первая	13
Глава вторая	40
Глава третья	65
Заключение	104
Библиография	106

*"Небо и земля прейдут,
но слова Мои не прейдут".*

Евангелие от Марка 13:31

Введение

Среди критических работ, опубликованных на Западе, нет подробного, исчерпывающего анализа использования христианской темы в русской литературе советского периода. Данная работа не претендует на восполнение этого пробела, однако в ней будет сделана попытка привлечь внимание к тому факту, что эта тема играет важную роль в нескольких значительных литературных произведениях атеистического советского периода.

Наличие подобной литературы в годы советской власти, когда все искусство находилось под бдительным идеологическим контролем со стороны коммунистической партии, свидетельствует о превосходстве духовного начала в человеке над материалистическим.

Материалистическая идеология в советские годы пользовалась абсолютной властью во всех сферах жизни советского общества. На религию смотрели как на отживший предрассудок. Общество почти поголовно стало атеистическим. В уцелевшие от старого времени церкви ходили только малограмотные пожилые женщины, на которых все остальные смотрели снисходительно.

Одновременно происходило охлаждение к христианской религии на Западе. Высокий критицизм в Германии объявил, что Бог мертв. В Америке, первоначально основанной как общество христианских общин, церковь была отделена от государства, в школах запретили

изучение Библии, и теория эволюции официально сменила в школьной программе теорию сотворения мира Богом.

Однако на фоне такого глобального (по разным причинам) охлаждения к организованной христианской религии, в 20 м веке, как ни парадоксально, интерес писателей к христианской теме не угас. Более того, образ Христа, как правило, очень редко трактуется отрицательно. Для современной западной литературы характерно изображение христианского мировоззрения и самого Христа не прямолинейно, а как-то со стороны, исподволь, через отражение в характере и действиях людей.

Христос появляется в современном не церковном искусстве в произведениях разных жанров: в исторических, философских, социально-политических романах, в рассказах, стихах, в произведениях научной фантастики, в фильмах, мюзикалах, песнях и т.п. Его рассматривают под разными углами: Христос Человек, друг и брат униженных и обездоленных, друг человека, Христос социальный революционер, Христос-борец сопротивления, Христос-покровитель кривых, преследуемых, душевнобольных, Христос, как фигура околицерковная, но находящаяся за пределами церкви и вне общества, что-то вроде собирательного прообраза бродяг и хиппи. Тему Христа мы встречаем у многих крупных писателей 20 го века, таких как Хемингуэй, К.С Льюис и многих других.

Для западной литературы 20-го века, затрагивающей христианскую тему, характерно тяготение к моральной стороне христианского учения. Причем, если в первой половине столетия предпочтение отдавалось историческому и психологическому описанию Христа, то во второй половине 20 го столетия Христа стали

показывать преимущественно рефлексивно, через действия и отношения других людей.

Более ранние произведения на христианские темы близки по теологическому содержанию к Евангелию и служат как бы дополнением и толкованием евангельских хроник, привлекая для этой цели историю, психологию и эстетику.

Произведения второй половины 20-го столетия не рассматривают Евангелие как исторически достоверный документ о жизни Иисуса Христа. Они, в первую очередь, выражают свое критическое отношение к традиционному изображению Христа в церковных и околоцерковных кругах, очеловечивают его образ, стремятся высвободить его из ограничений догмы, приблизить к сегодняшнему человеку. В этом проявляется современная тенденция в искусстве показать жизнь Христа как образец подлинной человеческой жизни, со всей ее болью, жестокостью, несправедливостью. Новозаветные хроники служат лишь фоном, и современные писатели обращаются с этими хрониками либерально.*

В русской литературе о Христе и христианстве заметна та же тенденция. В конце прошлого столетия христианская тема особенно глубоко и полно воплотилась в произведениях Достоевского и Толстого. Причем, оба писателя прошли через горнило сомнений и пришли каждый к своему пониманию христианства. Достоевский принял христианство православное, с его трактовкой Евангелия, с его ритуалами и таинствами. Поэтому христианская тема у Достоевского близка к традиционной трактовке Евангелия. Достоевский разрабатывает христианскую тему с позиции глубокого психологического анализа отношения человека к личности Христа.

*Ганс Кюнг, "Быть Христианином", 1974, стр.200-201.

Толстой, напротив, отверг православное христианство и разработал свою собственную версию его. При изображении христианской темы Толстого в его произведениях главным образом интересует моральная сторона учения Христа. Сам же Христос и все сверхестественное и не от мира сего у него отсутствует.

Современные писатели советского периода больше тяготеют к Толстовской трактовке христианства, т.е. ставят и пытаются разрешить с помощью учения Христа те же вопросы, которые пытался разрешить Толстой: в чем смысл жизни, зачем живет человек, что есть истина и как мы должны жить. В то же время, подобно западным писателям позднего периода, советские писатели второй половины 20-го столетия пытаются очеловечить Христа, сделать Его учение приемлемым и применимым сегодня для разрешения социальных проблем общества.

По количеству и разнообразию тематики произведения с христианской темой в советской литературе далеко уступают Западу. Но это вполне понятно в связи с долгим официальным запретом на обращение к этой теме в Советском Союзе. Тем не менее, таких произведений гораздо больше, чем можно было бы ожидать. Особенно часто писатели стали обращаться к этой теме с наступлением "гласности" и "перестройки". Это отрадное явление, полезное как для общества, так и для самого христианства. Дело в том, что писатели часто бывают более трезвыми, чуткими и ясновидящими по сравнению со служителями церкви. Более того, литература способна осветить образ Христа и Его учение в новом ракурсе, внести новое понимание и истолкование в этот образ. Она также дает людям возможность по-новому сопоставить человеческий опыт с евангельским благовествованием. И от этого свежего взгляда на

древние, хорошо известные события, то, что было привычным, начинает казаться поразительным, а то, что от частого упоминания казалось обыденным, вдруг предстает непостижимым.

Теолог, представляя Христа и христианство, ограничен догмами и традициями. У литератора таких ограничений нет. Он не обязан стремиться к объективному, исторически точному изображению Христа и его идей. Его цель - утвердив свою собственную точку зрения на эти события, подчеркнуть то, что ему кажется важным. Это и порождает такое разнообразие форм, приемов и мотивов при изображении Христа и христианства в литературе.

Все выше сказанное особенно справедливо в отношении русской литературы советского периода, главным образом потому, что на протяжении последних 70-ти лет художественная литература была практически единственным хранителем памяти о Христе и христианских традициях для нерелигиозного большинства населения страны, ибо даже сегодня, семь лет спустя после начала "гласности" и "перестройки", Библия все еще остается практически недостижимой для большинства .

Наиболее крупными произведениями советского периода, затрагивающими эту тему, являются "Доктор Живаго" Б. Пастернака, "Мастер и Маргарита" М. Булгакова, "Покушение на миражи" В. Тендрякова, "факультет ненужных вещей" Ю. Домбровского и "Плаха" Ч. Айтматова. К этому списку следует добавить более короткие повести - "Джвари" В. Алфеевой и "Апостольская командировка" В. Тендрякова. Это далеко не исчерпывающий список произведений советской литературы на христианские темы. Эта тема затрагивается также в "Карьере" В. Быкова, в "Смиренном кладбище" С. Каледина,

в "Людах-нелюдах" В. Тендрякова, в "Романе эссе" Чивилихина, в рассказах Шукшина "Верую!", "Крепкий мужик" и др., в "Матренином дворе" А. Солженицына и в произведениях многих других литераторов (писателей-"деревенщиков", поэтов, публицистов).

В этой работе будут подробно проанализированы пять произведений советского периода, обращающихся к христианской теме: "Мастер и Маргарита" М. Булгакова, "Плаха" Ч. Айтматова, "факультет ненужных вещей" Ю. Домбровского, "Доктор Живаго" Б.Пастернака и "Джвари" В. Алфеевой. Из этих пяти произведений два стоят особняком - это "Доктор Живаго" Пастернака и "Джвари" Алфеевой. Оба последних автора выражают в своих произведениях свое собственное понимание христианства, причем Алфеева смотрит на христианство, как на программу жизни, а Пастернак видит его, как программу воскресения для человечества, и оба видят в нем путь к бессмертию.

Три других автора, М. Булгаков, Ч. Айтматов и Ю. Домбровский, по странному совпадению, или, возможно, сознательно, избрали из всей евангельской истории один и тот же ключевой момент - встречу Понтия Пилата с Иисусом Христом. Эти три автора рассматривают христианское учение и евангельские хроники в сопоставлении и переплетении с современной им реальностью.

Глава первая

Из трех авторов, избравших темой для своего повествования встречу Понтия Пилата с Христом, первым обратился к этой теме М. Булгаков. Булгаков закончил свой роман "Мастер и Маргарита" в 1940-м году, в год своей смерти. Напечатан роман был в 1966-67 годах, во времена "оттепели".

Действие романа происходит в двух планах: в 20-30-е годы в Москве и в 30-е годы 1-го столетия в Палестине. Связывает эти два исторических плана Воланд - специалист по черной магии, он же сатана, который является одновременно очевидцем и участником событий в обоих исторических планах.

Московская часть романа представляет из себя сатиру из жизни московских литераторов, переплетающуюся с фантастическими проделками и похождениями нечистой силы - антуража Воланда, а также с романтической историей Мастера и Маргариты.

Палестинская часть - это трагедия, повествующая о суде над Христом, о Его казни и смерти.

Все вместе напоминает существовавший в период Средневековья жанр мистерии, которые разыгрывались в Европе перед Пасхой. В этих мистериях-пассиях изображались страдания (страсти) Христовы перед распятием и на кресте. Среди действующих персонажей в этих пассиях были сатана и его бесы. Постановка пассий производилась прямо на улицах. Между прочим, в Москве, в 1990 году, в честь пятидесятилетия со дня смерти М. Булгакова, было устроено представление "Мастера и Маргариты" на улице, на Патриарших

прудах, там, где у Булгакова начинается действие романа. Следует отметить, что в первые годы после Октябрьской революции жанр мистерий был популярен (например, "Мистерия-буфф" В Маяковского).

В плане философском роман "Мастер и Маргарита" - это московский "фауст". На связь с фаустом указывает сам Булгаков в эпиграфе к роману: "...так кто ж ты, наконец? - Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает добро". Эта же философская мысль пронизывает роман "Мастер и Маргарита". Именно сатана-Воланд спасает рукопись Мастера и устраивает его вечное счастье с Маргаритой (однако, он делает это по приказу Га-Ноцри). В романе Булгакова можно заметить большое сходство с "фаустом" Гете и в развитии сюжета. Так, у него в романе, так же, как и в "фаусте", есть и пакт с сатаной, и своя "Вальпургиевая ночь" (бал у сатаны). Однако в отличие от гетевского фауста, активную роль в установлении контакта с сатаной у Булгакова играет не Мастер, а Маргарита, что типично для России, где мужчины более пассивны, чем женщины, и не столь эмоционально сильны и выносливы, как они.

Что касается главной идеи романа, то совершенно очевидно, что Булгаков не ставил своей целью раскрыть глубинную сущность учения Христа. Нет у Булгакова и четко выраженного стремления связать высоко-нравственные идеалы христианского учения с современностью. Исключение составляет заявление Булгакова - которое он вкладывает в уста Иешуа, а затем повторяет устами Пилата - о том, что величайший порок в человеке - это трусость. От этого порока, согласно Булгакову, происходит все зло в мире. Причину, почему Булгаков возводит трусость во главу всех пороков, легко понять, если принять во внимание время создания романа. Роман писался с 1929-го по 1940-й год, т.е. в период "чисток" и

"ежовщины", когда сознание людей было парализовано страхом, и тысячи тысяч преступлений против своих "близких" были совершены под влиянием этого ненавистного писателю порока - трусости.

Другая идея, которую Булгаков вкладывает в уста бродячего философа-пророка Иешуа Га-Ноцри - это идея о том, что все люди добры. Эта парадоксальная нравственная идея поражает своей несовместимостью с действительностью. Действующие лица романа своим поведением и отношением как-будто опровергают эту идею, а сам Булгаков не делает попытки ее отстоять, доказать или раскрыть. Возможно, в заявлении о том, что все люди добры, можно рассмотреть намек на заповедь: "Возлюби ближнего, как самого себя". Поскольку каждый человек, как правило, видит в себе доброе, то он должен допускать наличие добра и в своих близких, а близким, по определению Евангелия, является каждый, с кем человек сталкивается на своем жизненном пути. (Именно эта идея выражена в Притче о добром самаритянине в Евангелии от Луки 10:29, 36,37).

Однако, сила Булгакова и самобытность его трактовки евангельского эпизода встречи Иисуса с Понтием Пилатом заключается не в раскрытии и приложении к жизни слов и мыслей Иисуса. Булгаков, прежде всего, художник, а не нравственный учитель, как говорит литературный критик С. Семенова:

Писатель никак уж не этик, а скорее эстетик (если определить его по знаменитой классификации Кьеркегора). *

Именно эстетическая сторона, по словам Семеновой, и пленяет в романе Булгакова "Мастер и Маргарита". Булгаков сумел увидеть и показать эстетику извечного евангельского сюжета, и в этом

*С. Семенова, "Всю ночь читал я твой завет..." "Новый мир", #11, 1989 г., Москва, стр.231.

ценность его подхода к христианской теме.

Художественные картины тех событий искрятся жизнью, наполнены множеством исторически убедительных деталей, помогающих читателю почувствовать себя очевидцем и современником тех событий.

Это достигается Булгаковым посредством языка и превосходного знания древней истории и описываемых предметов.

В романе "Мастер и Маргарита" Иисус представлен под своим настоящим именем - Иешуа Га-Ноцри - что в переводе означает Иисус Назарянин (или, если довести перевод до логической смысловой законченности - Спасение Божие из Назарета, т.к. Иешуа на иврите значит "Спасение Божие".) Булгаков знал древнееврейскую терминологию и исторические нюансы эпохи Иисуса благодаря тому, что его отец был профессором духовной семинарии. Булгаков начинает свое изложение этого евангельского сюжета словами, которые немедленно переносят читателя в атмосферу управляемой Римом столицы Палестины:

В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.*

Эти слова настолько красочны по поэтическому образу и мелодии звучания, что их скорее можно назвать стихами в прозе, чем просто прозой. Следующие за этим описания, детали, названия, имена создают ощущение подлинности присутствия. Примелькавшиеся, ставшие обрусевшими названия еврейских городов и мест и имена

*М. Булгаков, "Мастер и Маргарита",

людей обретают у Булгакова местное звучание: вместо Иерусалима - Ерушалаим, вместо Варравы - Вар-равван. Текст изобилует названиями римских должностных лиц, военных подразделений, битв (тетрарх, игемон, трибун, прокуратор, когорта, сирийская ала-кентурия, легион легатов и т.п.) Ощущение достоверности событий усиливается введением собственных имен и прозвищ действующих лиц, названий воинских подразделений: Марк Крысолов, разбойники Дисмас и Гестас, первосвященник Иосиф Каифа, пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат - Всадник Золотое Копье; легион фульмината, Итурейская вспомогательная когорта. Эта терминология создает иллюзию точной историчности повествования. Иллюзию буквально фотографической, репортерской достоверности событий подчеркивает убедительность диалогов Пилата с Иешуа, Пилата с начальником тайной службы Аффафием. За их словами вырисовываются реальные образы: гордый, знающий себе цену первосвященник; проницательный, опасный для врага и лояльный по отношению к прокуратору начальник тайной службы; мягкий, слабый, мечтательный и таинственный бродячий философ Иешуа.

Иллюзия присутствия, жизненной достоверности достигается также с помощью акцентирования определенных моментов, деталей - Пилат, собака и прогулка по лунному лучу с Иешуа; головная боль Пилата; летающая среди колоннады ласточка; мозаичный пол Иродова дворца; слова, записанные Левием на пергаменте. Даже сцены из потусторонней жизни становятся видимыми, осязаемыми благодаря четко выбранным деталям: вечно сидящий в кресле страдающий бессонницей Понтий Пилат, мечтающий провалиться в сон, чтобы возобновить прогулку и беседу с Иешуа; вечно сопровождающий его повсюду верный пес Банга; идиллия осуществившейся мечты Мастера -

домик с венецианским окном и вьющимся виноградом, любимая женщина рядом, друзья, утренняя свежесть, тишина.

Однако вся эта иллюзия достоверности, историчности событий является только иллюзией, сотканной талантливым художником. Если главным историческим документом о жизни Христа считать четыре Евангелия, то настоящий Христос имеет мало общего с Иешуа Га-Ноцри Булгакова и по характеру, и по деталям биографии.

Иисуса Назарянина Евангелия (по-еврейски Иешуа Ха Нацрий) никак нельзя назвать "безродным сиротой", каким он выступает у Булгакова. Он может проследить свою родословную до Адама. Иешуа Ха-Машиах (Иисус Мессия), или Иисус Христос, - еврей по происхождению, воспитанию и вере: "...от них (т.е. израильтян) Христос по плоти"... (Римлянам 9:5).

У Га-Ноцри Булгакова, по слухам, отец был сириец. Иисус Евангелия родился в Вифлееме-Ефрафе, в Иудее. Га-Ноцри Булгакова родился в Гамале, на севере страны. Иисуса в Евангелии постоянно сопровождали 12 избранных им учеников; Он никогда, даже после воскресения, не высказывал сомнений в том, что они смогут верно передать миру его слова. Га-Ноцри Булгакова одинок. Он выражает опасение, что "добрые люди", слушающие его проповеди, все перепутают, "и путаница эта будет продолжаться очень долгое время", потому что некто, следующий за ним, "с козлиным пергаментом непрерывно пишет", но "решительно ничего из того, что там написано", он, Га-Ноцри, не говорил. (М.Булгаков, стр.399).

Понтий Пилат в Евангелии приговаривает Иисуса-Иешуа к смерти неохотно, из страха, что его обвинят в том, что он противник кесаря, если он отпустит на свободу того, кто объявил себя царем.

У Булгакова Понтий Пилат вынужден отправить Иешуа на крест вопреки своему решению освободить его только потому, что так постановил синедрион - он подчиняется решению синедриона, а не личному страху навлечь на себя гнев кесаря. Это исторически неверно, так как у евреев Палестины Рим отнял власть осуждать кого бы то ни было на смерть.

В Евангелии Христос-Иешуа умирает на кресте сам, испускает дух, вкусив уксуса, поднесенного ему на губке. У Булгакова Га-Ноцри поят уксусом четыре часа спустя после распятия и затем палач его убивает. Заодно он убивает и двух разбойников - Димаса и Гестаса. И можно привести еще много примеров несоответствия образа Иешуа Га-ноцри Иисусу Евангелия, хотя, несомненно, есть и моменты совпадения в некоторых деталях.

Однако, самое главное различие между ними заключается в том, что Иисус Христос пошел на крест сознательно и добровольно (он имел выбор отказаться). В этом-то и состояла цель его прихода на землю. А Га-Ноцри умирать боится, он жертва предательства жадного на деньги молодого менялы Иуды, случайного знакомого, а не близкого друга и ученика, как у Иисуса в Евангелии.

На вопрос о том, что есть истина, Иисус в Евангелии не отвечает ничего (Пилат, впрочем, и не ждет ответа на свой риторический вопрос). Но еще до ареста Иисус сказал своим ученикам: "Я есмь путь и истина и жизнь"... (Евангелие от Иоанна 14 : 6) .

Все эти отступления от Евангелия закономерны, поскольку Булгаков вовсе не ставит своей целью дать исторически верное изображение Иисуса как основателя христианства. Он даже не старается представить Иешуа великим учителем высоких нравственных

идеалов, каким его, начиная с Толстого, представляют многие русские писатели. Тем не менее, Иешуа Булгакова фигура загадочная. Слабый, мягкий Иешуа после смерти внезапно становится повелителем сатаны (Левий Матвей приносит Воланду приказ от Иешуа, и тот беспрекословно его исполняет). Так добро обретает, через страдания, власть над силами зла. Вот почему Булгаков поставил эпиграфом к своему роману слова Гете из "фауста": "...так кто ж ты? - Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо".

Следующим за "Мастером и Маргаритой" романом, затронувшим тот же эпизод из жизни Иисуса Христа, был роман Ю. Домбровского "Факультет ненужных вещей". Автор работал над романом в общей сложности пятнадцать лет и использовал в этой работе полторы тысячи специальных источников (С. Семенова, стр.233). В результате роман дает массу интереснейшей исторической информации - об отношении к Иисусу и христианству со стороны оппонентов христианства, позднеантичных философов, о происхождении, характере, поступках и побудительных мотивах Понтия Пилата, о характере Иисуса, о членах его семьи, о подробных деталях пыток во времена Римской империи.

Ю. Домбровский приступил к непосредственному написанию романа в декабре 1964 года и закончил его в марте 1975 года. Впервые роман был опубликован в Париже в 1978 году. В Советском Союзе он увидел свет только в 1990 году, через 15 лет после написания. Действие романа происходит, как и у Булгакова в "Мастере и Маргарите", в 30-е годы, и так же, как у Булгакова,

перекликается с событиями, происходившими за 19 столетий до этого в Палестине. Место действия романа - окрестности Алма-Аты и в некоторых эпизодах - Москва.

Роман состоит из пяти частей. В первой части происходит завязка - героя романа Георгия Николаевича Зыбина, историка по Риму, ведущего раскопки курганов под Алма-Атой, забирают по подозрению в анти-советской деятельности.

Вторая часть - следствие, допросы Зыбина, перемежающиеся его воспоминаниями о прошлом (Крым, Москва), и бесконечными снами Георгия Николаевича. В этой части автор знакомит читателя с лабиринтами внутренней структуры НКВД, с Особым отделом ОСО (Особое Совецание), с их операциями и методами извлечения показаний у арестованных.

В третьей части, названной *Masmara min hazluy*, что на иврите означает "длинные гвозди того креста", Домбровский показывает, как органы постепенно, исподволь, завербовывают в свои ряды человека, питавшего к этим органам явное отвращение. Этим завербованным становится археолог Корнилов, бывший сотрудник Зыбина, тоже москвич, работающий под Алма-Атой. В этой же части большое место занимает экскурс в христианскую тему - история Понтия Пилата и Иисуса Христа. Эта история передается устами бывшего священника отца Андрея, которого автор наделяет собственной исторической эрудицией и через которого выражает свое личное отношение к Христу.

Часть четвертая возвращает читателей в застенки следственных органов и показывает бессилие этих органов сломить Зыбина. Здесь, в этой части, Домбровский, подобно Солженицыну, дает воображаемый внутренний монолог Сталина, но, в отличие от

Солженицына, не в карикатурном виде. Там же приводятся воспомина- ния о Сталине одного его современника и, в некоторой степени, соратника, Георгия Матвеевича Каландарашвили, ставшего зэком, но выпущенного умирать на свободу.

В пятой части - последние попытки следственных органов вырвать показания у Зыбина, начало репрессий в их собственных рядах и освобождение Зыбина. Здесь же разжалование и раскаяние начальника 2-го СПО Якова Неймана, эпизоды из биографии Сталина и сюрреалистическая сцена на берегу реки, у костра рядом с телом молодой утопленницы. В этой сцене снова возникает христианская тема о грехах и прощении.

У романа Домбровского счастливый конец. Зыбина отпускают на свободу, зло в лице наркома Неймана и других членов отдела нака- зано, один из злодеев (Нейман) раскаивается и получает прощение (Зыбин согласен с ним выпить), и в заключительной сцене на фоне заходящего солнца мирно сидят и разговаривают на одной скамейке "выгнанный следователь, пьяный осведомитель по кличке "Овод" и тот, без которого эти двое существовать не могли".

При сравнении трех советских романов, в которых трактуется эпизод беседы Иисуса Христа с Пилатом, становится очевидным факт, что у Домбровского этот эпизод, да и сама тема, входит наиболее естественно и органично в структуру повествования. Преследования, предательство, несправедный суд роднят евангельскую историю с историей действующих лиц романа. Автор написал роман, взяв прото- типом свою собственную жизнь. Он сам был жертвой ежовщины, он знает, чувствует всеми клетками, что испытал Иисус в ту страшную пасхальную ночь перед арестом: "...и эта последняя ночь, те

тайная вечеря, для него была очень томительная, - рассказывает о Христе бывший поп отец Андрей. - Это типичная ночь перед арестом". (Отец Андрей тоже знал это чувство из первых рук, он сам был резидентом ГУЛАГа). "Тогда Христос испытал все, что придется испытывать в таких случаях, - тоску, одиночество, загнанность, безнадежность, надежду - "а может быть еще и обойдется как-нибудь"... И под конец., почти как у всех: "Ну скорее же, скорее! Что вы медлите! Идите же, идите, идите!" Домбровский видит в Иисусе брата-страдальца, понимает, почему Иисус торопил Иуду: "То, что задумал делать, - делай скорей". (Ю.Д., стр. 249).

Отец Андрей очень искусно и тонко раскрывает психологию предательства. И неудивительно. Как позднее выясняет Корнилов, отец Андрей сам не выдержал давления системы и предал его, Корнилова, с которым он вместе пил и так откровенно, по душам, разговаривал. Согласно отцу Андрею, предатель - это "человек, страшно переоценивший свои силы... урок всем нам - слабым и хлипким. Три четверти предателей - это неудавшиеся мученики". (Ю.Д., стр.224). Именно такого рода предателями становится и сам отец Андрей, и Корнилов.

Отец Андрей логически вычислил необходимость второго предателя, помимо Иуды, в деле против Иисуса Христа. По закону синедрион не мог осудить человека на основании показаний одного только свидетеля. Необходимо было иметь, по крайней мере, двоих. Синедрион был строг в деле свидетельских показаний. О последствиях ложных показаний свидетелей предостерегал председательствующий синедриона: "...Помните, что если дело идет о деньгах, то деньгами все и может быть искуплено, но в этом деле кровь невинного и кровь всех неродившихся потомков его до скончания веков будет

лежать на лжесвидетеле, ибо не зря о Каине сказано Господом: "Голос кровей брата твоего Авеля вопиет ко Мне". (Ю. Д., стр. 264). И тем не менее, нашлось много свидетелей против Христа. Но, как пишет в своем Евангелии Матфей, "хотя и много лжесвидетелей приходило, не нашли" повода для осуждения. (Матфей, 26:60). И далее: "Но наконец пришли два лжесвидетеля", чьи показания синедрион принял. Одним из них, очевидно, и был Иуда Искарот. Другой остался навсегда неизвестным. Отец Андрей в своей книге "Страдания Христа" делает логическое предположение, что вторым предателем был человек, близкий Иисусу. И в подтверждение приводит слова из Иерусалимского Талмуда, изданного в Амстердаме в 1645 году, где прямо говорится: "Показали на него два ученика и привели его в суд и обвинили". (Ю. Д., стр.250)

Это более изощренное, чем Иудино, предательство Корнилов ассоциирует со своим предательством в разговоре с Дашей, девушкой, которая любит его, невзирая ни на что. Даша, выслушав его откровения о том, что ему ничего не стоит оклеветать Зыбина, все равно повторяет: "Я люблю вас, Владимир Михайлович... Люблю, люблю!" И Владимир Михайлович отвечает ей саркастически: "Так-таки любите? Здорово! А знаете, говорят, что у того, второго, не явного предателя, была любящая жена... интересно, рассказал ли он ей что-нибудь или нет? Как вы думаете, Даша? Наверное, рассказал, и та сказала: "Слушай, забудь об этом! Нельзя быть таким чутким и мучить себя всю жизнь какой-то чепухой"... Потому что любовь, Дашенька,.. если посмотреть с этой стороны, - подлейшая штука!" (Ю. Д., стр. 292).

Таким образом у Домбровского евангельское прошлое переплетается с настоящим его героев. В отличие от Булгакова и Айтматова он не выделяет историю Христа в отдельное, самостоятельное повествование, но представляет его историю через разговоры, размышления и переживания действующих лиц романа. События евангельских хроник перекликаются с событиями ежовщины. Даже римский закон Тиберия, известный как Закон 15-го года, гласящий о том, что "Критика действий императора приравнивается к оскорблению величия Римского народа", напоминание о котором побудило Пилата к пресловутому "умыванию рук", звучит поразительной аналогией с принципами сталинской эпохи. И таких аналогии с временами Христа в романе много.

В отличие от Булгакова и Айтматова Домбровский задумывается над целью прихода Христа и смыслом Его жертвы и приходит к своему личному заключению, которое он вкладывает в уста отца Андрея: "...мир смертельно устал и изверился... Выход один - надо восстановить человека в его правах. Но... за это придется умереть! И не так, как... Сократ, среди рыдающих учеников... - а просто нагой и нагой смертью". (Ю. Д., стр. 227) , чтобы искупить человека, простить его слабости, колебания, трусость, заработав право на это прощение своими страданиями и любовью к нему: "Бог тогда с этого проклятого дерева и спроси себя: а теперь любишь ты еще людей? И если ... скажешь "Да, люблю и сейчас! И таких! Все равно люблю! - то тогда и прости! " (Ю.Д., стр.223,224). Потому что даже Сам Бог Отец не имел права прощать людей, не пройдя крестного пути.

И сам автор, прошедший крестный путь, прощает своих палачей,

ибо только прощением и милосердием, а не мстью и злопамятством можно поправить мир, погасить вражду и злобу. Простить, но сохранить в памяти в назидание потомкам.

Крестную смерть Иисуса Домбровский описывает с такой медицинской точностью, с такой реалистичностью, с какой ее, пожалуй, никто еще никогда не описывал. С. Семенова, сравнивая картину смерти Христа в "факультете ненужных вещей" с "Мертвым Христом" Ганса Гольбейна, называет описание Домбровского "каким то рентгеновским проникновением в агонию его внутренностей", "замедленной киносъемкой мук распинаемого". (С. С., стр. 234). Более того, Домбровский сообщает медицински верную причину быстрой смерти Иисуса. (Многие распятые мучились на кресте по несколько дней). В Евангелии от Иоанна сказано, что когда один из воинов проткнул копьем бок распятого Иисуса, "тотчас истекла кровь и вода" (Иоанн, 19:34). У Домбровского говорится: "Один из воинов проткнул ему грудь копьем. Потекла кровь и вода это была лимфа из предсердия. Так бывает при разрыве сердца"... (Ю. Д., стр. 228). Христос умер от разрыва сердца, не столько от физических (хотя и они были невыносимыми), сколько от душевных страданий, от невероятной тяжести всего позора, грязи и зла человечества, которые он взял на себя. Он умер от страшного горя, потому что в тот миг от него отвернулся Сам Бог Отец, не смогший вынести этого зрелища ("Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? " (Матфей, 27:46, Марк, 15:34).

Телесными муками тираны наводили террор и держали им подвластных в повиновении еще с древности. Тем же страхом

телесных страданий, как наиболее эффективным орудием, оперируют "вожди народов" в двадцатом веке. Воистину, "нет ничего нового под солнцем", как сказал Екклезиаст (1:9). Но Христос восторжествовал над этим страхом и, претерпев от людей все мыслимые издевательства, остался верен своей любви к людям, этим самым искупая человека. Так он, сам смертный, "немощный и слабый все равно остался Богом. Богом людей", вопреки ядовитым насмешкам ненавистников христианства, таких как Порфирий или Целий. (Ю. Д., стр. 266). И этим он оправдал каждого человека, со всеми его пороками, страхами и предательствами. Оправдал даже своих палачей и несправедливых судей.

Герой романа Домбровского также преодолевает и страх, и телесные страдания. Но, в отличие от Христа, он отнюдь не святой. Он простой, смертный, подверженный многим слабостям человек. И его подвиг вновь освежает в сознании людей веру в человека.

Показательно, что в то же самое время циничный, всех и вся презирающий Корнилов, для которого человек - "дрянь и мерзость", согласно которому "тряпка рваная стоит больше, чем человек", становится осведомителем тех, кого он больше всего презирает. Именно принижение ценности человека, человеческой жизни, сведение его роли до "винтика" в государственной машине сделало возможным восхождение таких "упырей и уродцев" (так называемых римских императоров, "вождей народов" своего времени, отец Андрей), как Сталин, Гитлер и им подобные.

Отрицание Бога, отказ от разумного происхождения мира, от библейской истины о богоподобии человека привели к его обезцениванию. Христос пришел, чтобы напомнить человеку о его ценности в глазах Бога. Он поставил заповедь "возлюби ближнего,

как самого себя" почти вровень с первой, главной заповедью "возлюби Господа Бога своего". (Матфей 22:37, 39; Марк 12:30, 31; Лука 10:27). Он показал человеку его высокое назначение - стать соучастником в Божьем плане восстановления правды во вселенной, извращенной сатаной. Христос напомнил людям (через своих апостолов), что им предстоит вместе с Сыном Человеческим "судить ангелов" (1 Коринфянам 4:3). И что "не ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово", род людской (Евреям 2:16).

Христианская тема прощения звучит и в одной из заключительных сцен романа - в сцене с ночным костром и молодой утопленницей. Это поразительная сцена по силе воздействия. На берегу реки у рыбацкого костра (снова параллель с Евангелием Иисус после воскресения подходит к рыбацкому костру) собрались рядом с трупом молодой красивой утопленницы божий человек Яша, старый рыбак и томящийся нехорошими предчувствиями следователь Нейман. Яша приглашает двух остальных дать усопшей последнее целование. Затем читает над ней молитву. И тогда, в этот странный, нереальный момент прощания с незнакомой девушкой, отходящей из этого мира тлена в вечность, Нейман переживает нечто сродни религиозному опыту, своего рода пробуждение от наваждения его профессии. Ему вдруг стало ясно, что вся его прошлая жизнь перечеркнута. Ему вдруг все становится безразличным, у него не остается ничего своего. Он подошел вплотную к покаянию. И тут бывший семинарист Яша начинает говорить о душе умершей, об ожидающих ее радостях и утешении от земных скорбей. Он отвечает на тот извечный вопрос, который неизменно встает в каждом новом поколении: возможно ли спасение для тех, кто сознательно служил

злу? "В смертный час воззвал разбойник, - рассказывает Яша, - "Спаси!" - и спасен был". (Ю. Д., стр. 459). Только это раскаяние должно быть искренним, от всего сердца. Пусть оно наступит в самую последнюю минуту перед смертью - для Христа время не преграда. "Ему твой смысл важен, чтобы хоть в последнюю секунду уразумел все. Он всю жизнь твою в эту секунду сожмет. За одну секунду даст тебе ее снова пережить. Вот почему Он Спаситель". (Ю.Д., стр. 460). В Библии примером такого запоздалого, но не безнадежного покаяния служит "разбойник благоразумный", а в романе "факультет ненужных вещей" - бывший следователь Нейман. В этом - надежда спасения для каждого живущего на земле человека. С того момента, когда Христос простил распятого рядом с ним покаявшегося разбойника, для человечества началась новая эра - эра благодати, которая будет длиться до второго пришествия Мессии Иисуса. Весть о спасении, о прощении для всех кающихся - и есть Евангелие, что значит "благая весть". Этой вестью проникнут весь Новый Завет - это указание Петру прощать брата "до семижды семидесяти" раз, и в притче "о блудном сыне", "О потерянной драхме", "О заблудшей овце". Вестью о спасении для всех, кто его примет, о вечной жизни для всех, жаждущих ее, заканчивается последняя книга Нового Завета, книга "Откровение": "Жаждающий пусть приходит, и жалящий пусть берет воду жизни даром". (Откровение 22:17). В этой возможности спасения для всех, даже для самых закоренелых злодеев, и состоит главная идея книги Ю. Домбровского.

Двадцать лет спустя после опубликования "Мастера и Маргариты" в журнале "Новый мир" появился роман Ч. Айтматова "Плаха". Ч. Айтматов явно многое позаимствовал у М. Булгакова, введя в структуру своего романа сюжетную линию Пилат - Христос. В остальном, однако, оба романа друг на друга совершенно не похожи. Ч. Айтматов, будучи писателем злободневным, с готовностью откликнулся на новую политику "гласности" и вынес в своем романе на всенародное обсуждение многие актуальные проблемы общества.

В романе три основных сюжетных линии: история волчицы Акбары и ее супруга Ташчайнара; история Авдия Каллистратова, журналиста христианина, бывшего студента духовной семинарии; и история двух киргизских пастухов Бостона и Базарбая.

В историю Авдия включена подтема - суд Пилата над Христом, страдания и смерть Христа на кресте.

Объединяет все сюжетные линии история Акбары и Ташчайнара, которой начинается и заканчивается роман.

С точки зрения христианской темы интерес представляет та часть романа, в которой описываются эпизоды из жизни Авдия Каллистратова. Авдий - молодой идеалист, сын дьякона из под Пскова, бывший семинарист, исключенный из семинарии через два года после поступления за либеральный подход к православной догме. Авдий считает, что эта догма устарела, что пришло время "найти... некую пограничную идеологическую полосу, позволившую бы ему высказывать столь актуальные и столь жизненно важные... новомысленнические представления о Боге и человеке в современную эпоху в противовес догматическим постулатам архаического вероучения". (Ч. Айтматов, стр.25). Он чувствует себя ажити

"между тысячелетней церковной догмой и логикой научного атеизма как между жерновами". (Ч. А., стр.26). Исключенный из семинарии, он продолжает вести себя, как христианский проповедник.

Он проникает инкогнито в группу "гонцов" - добытчиков наркотиков, которые собирают наркотическую коноплю в степях Средней Азии и отвозят ее торговцам наркотиками в Москву. Авдий пытается убедить "гонцов" покаяться в зле, которому они служат, уничтожить весь запас наркотиков и выйти из этого бизнеса. Его избивают и выбрасывают из идущего на полном ходу поезда. Однако Авдий выживает. После этого он по незнанию присоединяется к бригаде, подбирающей убитых и раненых антилоп. Чтобы скрыть фиаско в выполнении плана по мясозаготовкам, местные власти устраивают облаву на диких антилоп и расстреливают их с вертолетов, а затем отправляют бригады, наскоро собранные из алкоголиков, преступников и других подозрительных элементов, подбирать тела убитых и раненых животных. Когда Авдий начинает понимать, куда он попал, он старается помешать этому нечистому делу и обратить членов бригады в свою веру. Но они смеются над ним, подвергают его пыткам, а затем подвешивают между деревьями и оставляют умирать. Однако и на этот раз Авдий избегает смерти. В обоих случаях его самопожертвование не приносит результатов.

Литматов оживляет повествование об идеалисте Авдии историей его любви к Инге. Эта история представлена в форме их писем друг к другу. Однако, их роман ничем не заканчивается и не прибавляет ничего существенного к идее произведения.

Герой второй сюжетной линии - передовой пастух Бостон, анти-герой - пастух-пьяница Базарбай. Их сюжетная линия тесно

переплетается с сюжетной линией волчьей семьи. Базарбай случайно набрел на волчье логово и обнаружил там волчат, одних, без родителей. Он забирает волчат, чтобы продать их и пропить вырученные деньги. Бостон, узнав об этом, делает все возможное, чтобы вернуть волчат их родителям и предотвратить месть взрослых волков. Базарбай не только отказывается продать ему волчат, но еще и жалуется районному партийному комитету на Бостона, обвинив его в том, что он препятствует его, Базарбая, борьбе с опасными хищниками, представляющими угрозу для совхозного скота. Секретарь партийной организации Кочкорбаев становится на сторону Базарбая, поскольку сам питает неприязнь к Бостону из-за его новаторства. Бостон, устав от постоянной угрозы волков, решает их убить. Но ему удается убить только самца. Волчица Акбара, обезумев от горя, похищает маленького сына Бостона, чтобы он ей заменил потерянную семью. Бостон, пытаясь вернуть ребенка, стреляет в Акбару и нечаянно убивает вместе с волчицей своего сына. Таким образом, и в этой истории зло остается ненаказанным, а борец за добро терпит поражение.

Главная идея романа - торжество зла над добром в человеческом (в данном случае, советском) обществе. Зло, заключенное в людской природе, невозможно искоренить ни с помощью марксистской идеологии, ни с помощью христианского принципа "непротивления злу насилием". По мнению Айтматова, и христианская религия, и марксистская идеология потеряли силу из-за того, что превратились в мертвую догму. Айтматов не винит в этом, однако, самого Иисуса или его учение.

И почему с тех пор, как он взшел на крест, так долго не-

успокоятся умы?.. Почему же сказанное Иисусом не устаревает и не теряет силу? " (Ч. А., стр.121).

Он винит в этом мир и церковь, которые узурпировали право на истину и противоборствуют всякому, кто занимается богоискательством или правдоискательством. (Ч.А., стр.49). Богоискателей и правдоискателей мир и церковь старались заставить молчать во все века всякими средствами, вплоть до физического уничтожения. Но каждое новое поколение давало новых правдоискателей.

...и на том свет стоит... - добро и зло передаются из поколения в поколение в нескончаемой памяти, в нескончаемости времени и пространства человеческого мира... (Ч. А., стр. 120).

Людам нужна новая религия, говорит Авдий, новый бог - Бог-Завтра. И этот Бог, по Айтматову, представляет из себя совокупность всех людей, очистивших свой дух до "бесконечного совершенства". Но как его очистить, Айтматов не знает. Он только демонстрирует на примере героев своего романа, что "мир больше всего и наказывает своих сынов за самые чистые идеи и побуждения духа". Единственное, что трогает мир, единственное, что он понимает - это сила. И поэтому сегодняшний бог, которому люди поклоняются и перед которым трепещут - это военная мощь. Это и есть новая религия нашего мира. (Ч.А., стр.121).

Мораль романа состоит в том, что люди зла при поддержке и содействии властей и современной технологии способны разрушить не только окружающий мир природы, но и жизнь встречающихся им на

пути людей. Однако в обществе всегда есть люди, подобные Авдию или Бостону, которые своим бескорытием и самопожертвованием тормозят этот процесс разрушения. Пусть их жертвы не дают немедленного ощутимого результата, но именно благодаря им человеческое общество сохранило идеалы добра и справедливости.

Название романа "Плаха" символизирует готовность таких одиночек-идеалистов пожертвовать собой ради торжества правды и добра.

Таким же идеалистом-одиночкой, противопоставшим злу и принесшим себя на плаху, был Иисус Христос, по примеру которого строит в романе свою жизнь Авдий Каллистратов.

Авдий является носителем христианской темы в романе. Он - проповедник по призванию, хорошо знакомый с христианским учением, но не разделяющий его ортодоксальной интерпретации. Внешне Авдий ведет себя, как человек, верующий в Бога. Он рассуждает о Божьей милости, о Божьих дарах человеку, о Его щедрости.

Если бы она (Инга - В.П.) знала, как велика Божья милость, когда Он вселяет в сердце любовь. (Ч. А., стр. 27)

...и чувства эти ему (Авдию - В.П.) вместе с тем и всю благость слияния с Богом, ибо теперь ему открылось, что Бог, являя Себя через любовь, дарует человеку наивысшее счастье бытия, и щедрость Бога тут бесконечна... (Ч.А. 27)

Более того, Авдий в другом месте прямо заявляет, что "Бог не может быть умозрительно придуман"... (Ч. А., стр. 48) Он даже,

на практическом уровне демонстрирует свою веру в Бога тем, что молится Ему, прося у Него сил.

Казалось бы, Авдий - самый настоящий, пусть с несколько либеральным уклоном, верующий, воспринимающий Бога как объективно существующую реальность. Но если присмотреться внимательней, Авдий выступает скорее как атеист-гуманист, который верит, оказывается, не в Бога Библии, а в Бога - духа человеческого. Эти намеки на отрицание существования Бога как отдельной самосуществующей Личности видны уже с первых страниц романа.

...праотцам, некогда выстрадавшим Его, придуманного, непостижимого и неотделимого от духа, когда заученные божественные тексты лишь предлог, лишь формальное обращение к Нему, а на первом месте здесь дух человеческий, устремленный к вершинам собственного величия". (Ч. А., стр. 37)

Вне нашего сознания Бога нет... (Ч. А., стр. 50)

... к Всевышнему, сотворенному ими же, к нереальности, превращенной ими же в духовную реальность"...(Ч.А. стр.44)

Авдий, однако, верит в Христа, как в Господа, верит в его историчность.

...если бы Христос не был распят, он не был бы Господом. Эта уникальная личность, одержимая идеей всеобщего царства справедливости, вначале была зверски убита людьми, а затем вознесена, воспета, оплакана, выстрадаана". (Ч.А., стр.48).

Авдий хочет уподобиться Христу в борьбе со злом. В истории Авдия можно проследить много параллелей с историей Христа. Как

Христос, Авдий был отвергнут своими (православной церковью). Как и Христа, его обвинили в том, что он делает из себя Бога ("...ты готов собою подменить Его!" - стр. 52). Как и Христос, Авдий пытался побороть зло любовью, пытался спасти грешников от власти греха. Как и Христос, Авдий подвергся искушению со стороны сатаны в лице Гришана, главаря "гонцов". Гришан обещает Авдию безопасность и свободу агитации среди "гонцов", если тот его попросит: "Спаси, Гришан!" Сатана в Евангелии предлагал дать Иисусу власть над всем миром, если Иисус поклонится ему. Авдий, как Иисус, не поддался искушению и пострадал физически за верность своим идеалам. Авдий, наконец, подобно Христу, "...не разомкнул рта", когда над ним издевались. Даже распяли его между деревьями в такой же позе, в какой был распят Иисус, и, как Иисус, Авдий воскресает после распятия.

Помимо параллелей с историей Иисуса, христианская тема представлена в романе эпизодом из жизни самого Иисуса, тем же самым эпизодом, который мы находим у М. Булгакова в "Мастере и Маргарите". И здесь невольно возникает желание их сравнить.

Айтматов позаимствовал у Булгакова не только идею включить в роман беседу Пилата с Иисусом и последующее осуждение на казнь и самую казнь. Он позаимствовал также сами детали в описании этого эпизода, детали, придуманные Булгаковым, детали, которых нет в Евангелии. Так, Булгаков представляет Иисуса слабым, мягким, беспомощным. У Айтматова "...глаза его (Иисуса В.П.) были по-детски беспомощны" (стр. 109); или еще: "На бледном челе Иисуса.., от страха к горлу подкатила тошнота"... "Да, правитель добрый, отпусти меня". (Ч. А., стр. 109). "Добрым" называет

Пилата и Га-Ноцри, к немалому раздражению первого. Даже такая деталь как птица, все время летающая рядом во время допроса Иисуса Пилатом, заимствована Айтматовым у Булгакова (В Евангелии нет ни "доброе" управителя, ни птиц, летающих у колоннад). Только у Булгакова это ласточка, а у Айтматова - голубь (намек на голубя, спустившегося на Иисуса при крещении в Иордане?)

Однако пересказ эпизода у Айтматова значительно отличается от пересказа Булгакова во многих аспектах.

Прежде всего, это разница в языке. Та иллюзия исторической подлинности, которую создает Булгаков, у Айтматова совершенно отсутствует. Айтматов в диалоге Пилата с Иисусом использует много церковно-славянских терминов и строит фразы по былинному образцу, очевидно, с целью создать атмосферу древности. "Не думаешь отречься от слов своих непотребных?" - спрашивает у Иисуса Пилат (у Айтматова). Иисус отвечает на это: "Тебе ни к чему алкать". (Ч. А., стр.107). У Булгакова Пилат говорит, как человек образованный, даже изысканный. У Айтматова он временами просто вульгарен. "Не ищи дураков! - вскричал прокуратор (в ответ на просьбу Иисуса отпустить его, стр. 109). Или, немного ниже: "...надо сломить его дух, заставить униженно ползать... чтобы потом, как гада с переломленным хребтом, вышвырнуть вон из Израиля". (Ч. А., стр.109).

У Булгакова Иешуа Га-Ноцри немногословен. У Айтматовам как справедливо подметила критик Светлана Семенова, "Христос превращается в настоящего ритора, красноречивого софиста, дотошно объясняющего свои "позиции" и оспаривающего противную сторону". (С. Семенова, стр. 231).

У Булгакова Иешуа Га-Ноцри никаких позиций не оспаривает. Он

только утверждает парадокс, что "все люди хорошие". Иисус Айтматова предвещает наступление "Царства справедливости для всех", которое будет построено нравственно-усовершенствованным, по образу и подобию Бога-завтра, человечеством. В "Плахе" Иисус низводится до роли борца за социальную справедливость, который покорил (но не исправил) мир, потому что он, праведник, безропотно пострадал. Этим же путем старается преобразить мир Авдий, его верный ученик. Такая интерпретация образа Иисуса противоречит его евангельскому портрету. Многие хорошие люди безропотно и незаслуженно страдали и до, и после Иисуса, однако, мира они не перевернули. Согласно Библии Иисус, через своих учеников после своего воскресения и вознесения, победил мир, потому что воскрес из мертвых и высвободил этим небесную силу, которую его ученики и перевернули мир. Сводить Иисуса до роли учителя высшей нравственности, по словам К.С. Льюиса, автора книги "Сущность христианства", "никогда не следует. Простой смертный, который утверждал бы, что утверждал Иисус (а Он утверждал, что Он Бог), был бы не великим учителем нравственности, а либо сумасшедшим - вроде тех, кто считает себя Наполеоном или чайником, - либо самим дьяволом из преисподней. Другой альтернативы здесь быть не может: либо этот человек был и есть Сын Божий; либо это сумасшедший или нечто похуже". (К.С. Льюис, стр. 78, 79).

Айтматову, как и многим другим писателям, относящимся к христианству исключительно как к системе нравственных правил, такая логика, очевидно, не приходит в голову. Айтматов, в сущности, остается материалистом, для которого Бог и сатана придуманы

людьми. И этим он отличается от Булгакова, который, во-первых, целомудренно Бога вообще не затрагивает, а сатану представляет живым, реальным и активно вмешивающимся в нашу жизнь.

Иисус в "Плахе" "наложил на себя гибельный долг... освобождения человека от гнета собственной причастности к извечным несправедливостям,.. от неумной жажды господства над другими,.. от постоянных сползаний к вседозволенности" (Ч.А., стр. 122). Но все эти пороки не исчезли из мира в результате жертвы Христа. Точно так же не удалось победить зло своею жертвенностью Авдию. Следовательно, делает вывод Айтматов, жертва - это не путь для искупления преступного человечества. Но марксизм также доказал свою несостоятельность в попытке создать нового, более совершенного человека. Нужен какой-то другой путь, чтобы сделать Царство справедливости реальностью. Айтматов этого пути не указывает и, по словам Н. Шнейдмана, автора книги "*Soviet Literature in the 1980s*", это можно поставить ему в заслугу.

Глава вторая

Совсем иначе подходит к христианской теме Валерия Алфеева в повести "Джвари". Дело в том, что из всех пяти рассматриваемых в этом исследовании авторов, Алфеева наиболее явно выражает свое полное согласие с традиционным православным толкованием христианства. Более того, у Алфеевой христианская тема выступает не как побочная, вспомогательная, а как основная. Алфеева принадлежит к христианству сама и показывает его, благодаря этому, изнутри, на основании личного опыта. Благодаря этому ей удается преодолеть тот недостаток, которым страдают все другие литературные произведения советского периода, трактующие христианскую тему - сведение евангельской вести к единственно этическому пониманию ее. Этот недостаток отмечал в свое время еще К. Леонтьев, говоря о трактовке христианства у Ф. Достоевского и Л. Толстого. Такое христианство он называл "односторонним", "сентиментальным", "розовым", уподобляя его утопической и либерально-прогрессистской вере в "принудительную и постепенную исправимость всецелого человечества", вере в то, что только "несовершенство социального строя и плохое воспитание до сих пор мешало какому-то упоительному катаклизму грядущего любвиобилия" (С. Семенова. стр. 232). В Алфеева делает попытку показать искупительную силу христианства не в его эстетическом учении, а в непосредственном контакте, буквально физическом соприкосновении, с Богом. как с неограниченным источником силы

для очищения и обновления.

В. Алфеева написала свою христианскую повесть "Джвари" в 1982 году, но опубликована повесть была только в годы "гласности", в 1989 году, в 7-м номере журнала "Новый мир". В. Алфеева (а также, может быть, и Б. Пастернак) рассматривает христианство не как систему высших нравственных принципов, способных исцелить, вывести из морального банкротства больное общество в ее стране. Для нее важно не социальное приложение христианства, не его влияние на общество, а его индивидуальное, интимное действие в человеке, созидющее "внутреннего человека" по образу и подобию Божию.

Повествование ведется от первого лица. Это, а также тот факт, что сама автор, как и героиня ее повести Вероника, является писательницей и верующей, убеждает в автобиографичности повести.

Сюжет повести незамысловат. Писательница Вероника, женщина тридцати-сорока лет, приходит со своим шестнадцатилетним сыном-музыкантом Митей в древний грузинский монастырь Джвари. Джвари по-грузински значит "крест". Полное название монастыря - монастырь Святого и Животворящего Креста Господня. Монастырь был построен в двенадцатом веке князем Орбелиани, расстриженным насильно царицей Тамарой в отместку за заговор князя против нее.

Монастырь считается историческим памятником, и как таковой охраняется и реставрируется за счет государства. Сюда регулярно приезжают на экскурсии группы туристов. Вероника с Митей к категории туристов не относятся. Они пришли сюда со своим другом, отцом Давидом. Их интересует в Джвари монашеская жизнь. За несколько лет до этого Вероника и ее сын стали верующими, и теперь они желают приобщиться к жизни людей, целиком посвятивших

себя служению Богу. Им разрешают поселиться на территории монастыря, и они проводят там девятнадцать счастливых дней в обществе игумена отца Михаила, диакона Венедикта и молодого послушника Арчила.

Пребывание молодой женщины в мужском монастыре создает напряженность в отношениях, и отец Михаил, в душе которого начинает назревать опасная нежность к Веронике, требует, чтобы Вероника и Митя немедленно уехали, и объясняет, почему. Вероника соглашается, т. к. чувствует, что и у нее в душе поднимается ответная нежность к отцу Михаилу.

Вероника и Митя покидают Джвари, очарованные монастырской жизнью, с твердым намерением вернуться к этой жизни освящения и постоянной близости с Богом.

Главная цель повести Алфеевой, однако, состоит не в развитии сюжета, хотя он затрагивает своей внешне сдержанной, но внутренне интенсивной эмоциональной напряженностью. Ценность повести состоит в том, что, будучи произведением, художественным по форме, она является глубоко религиозной по содержанию. В этом ее уникальность в литературе советского периода. Религиозно художественной литературы этого плана выпускается на Западе много, но подобные книги можно найти только на полках специализированных христианских книжных магазинов. А повесть "Джвари" напечатана в обыкновенном, нерелигиозном журнале, где она, как ни странно, не выглядит неуместной. В этом состоит особенность русской литературы после-советского переходного периода, когда еще не произошло разделения на религиозно-художественную и светскую, разделение, которое давно существует на Западе. Кроме того, в

бывшем Советском Союзе в это смутное время исканий люди видят в религии панацею от всех социальных зол, и поэтому всякая религиозная литература беспрепятственно и охотно принимается на равных правах с литературой светской.

Повесть Алфеевой представляет из себя учение православной церкви в художественной форме. В. Алфеева перемежает повествование религиозными размышлениями постоянно, не ища для этого никаких извинений или объяснительных предлогов. Она просто пишет о слове Божиим, которое она передумала, перечувствовала, пропустила через свою душу.

Вопросы, которые поднимает В. Алфеева, актуальны и критически важны для правильного восприятия христианства.

Один из таких актуальных вопросов - это вопрос о свободе личности. Алфеева приходит к выводу, что свобода, особенно неограниченная свобода, для человека недуховного опасна. Вот что говорит по этому поводу один из действующих лиц повести, молодой послушник Арчил:

Но человек возвышен над всем творением до богоподобной свободы, до возможности выбора: молиться Богу или Его распинать. И это страшный удел человеческой свободы: пройти путь самоутверждения без Бога, отречения от Него, путь блудного сына и понять, что путь этот ведет к распаду, гибели души и мира. Только поймут ли люди это раньше, чем погибнут? Или погибнут раньше, чем поймут?

Вот что решается в наше смутное время. (В. А., стр. 20)

Алфеева видит в своем обществе массовую тенденцию обращения к религии. И эту тенденцию в России отмечают многие другие.

"Религия представляется как легкий путь обретения истины"...- пишет поэт В. Кривулин, один из организаторов философско-религиозного кружка в Советском Союзе в 70-е годы. После прихода "гласности" и "перестройки" религия стала модной вещью. "Теперь стало много людей, особенно из интеллигентов, которые говорят, что верят в Бога, " - говорит один из действующих лиц повести Алфеевой Венедикт (В. А., стр. 8). " Сейчас стало модно растаскивать Библию и Евангелие на притчи. Великие тайны религиозной жизни низводятся до литературного сюжета, до уровня наших умствований". (В. А., стр.14). В этом нет ничего нового. И, как видно из истории, мода на религию не представляет угрозы для христианства. Библию "растаскивали" на литературные и прочие сюжеты еще во времена Средневековья, затем во времена Возрождения, во времена критицизма Библии и растаскивают сейчас, во времена псевдо-духовного увлечения. Без такого "низведения" не было бы ни Микельанджело, ни Гольбейна, ни Иванова, ни Врубеля, ни даже Достоевского, такими, какими их знает и ценит человечество. Это и есть часть процесса духовного образования - через художественные образы. Алфеева, однако, права, что этот интерес еще не означает духовного возрождения. И она права, что предостерегает об этом. Тем не менее, в процессе литературных заимствований из Библии писатели, а вслед за ними и читатели, почти неизбежно подходят к вопросу : "Что же есть истина?" "Человечество, - пишет В. Алфеева, - как Пилат, прокуратор Иудей, вечно задает вопрос: что есть истина? И, как Пилат, пожав плечами, отворачивается от истины Живой, стоящей перед ним, им осужденной на распятие". Здесь Алфеева поднимает все тот же

вопрос, который задавали до нее уже в советское время и Булгаков, и Айтматов, и Тендряков, и Домбровский. Но отвечает на него она не с позиции социального гуманизма, как они, а с позиции Библии и Евангелия: "На этот вопрос Христос и ответил на Тайной Вечери..., как никто никогда до Него не был вправе ответить: "Я есмь Путь и Истина и Жизнь" (Иоанн 14:6). И это сердцевина тайны, из которой соткан мир". (В. А., стр. 40). Герой ее повести, отец Михаил, говорит, что поверить в эту Истину и принять ее можно только всем существом без остатка: сердцем, волей, разумом, образом жизни. "Что может один разум? Только пройти через зону неведения и устранить препятствия к вере, потому что малое самодовольное знание уводит от веры, большое - к ней возвращает" (В. А., стр. 40).

Однако, продолжает свои доводы В. Алфеева, хотя одного разума для постижения истины недостаточно, разум служит поводом к вере. Наблюдательный разум видит в природе откровение о высшей разумной организующей силе, действующей во вселенной. Алфеева называет природу "книгой Бытия, книгой об Абсолютном, написанной на доступном языке относительного". (В. А., стр. 55). Это утверждение Алфеевой перекликается со словами, написанными почти 2000 лет назад апостолом Павлом в его Послании к Римлянам: "Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы"... (К Римлянам 1:20).

В. Алфеева затем поднимает вопрос о том, что такое грех в его библейском понимании. "Грех, - говорит Алфеева, - это то, что отделяет нас от Бога. Наша вина перед Его любовью". (В. А., стр.55). И через героя повести, отца Михаила, Алфеева представляет христианское определение первородного греха, которое

не совпадает со светским пониманием этого термина. Первородный грех, согласно Библии, это грех гордыни, у которого множество проявлений. Это самый распространенный и всепроникающий из грехов, по словам отца Михаила: "Куда от нее, (т. е, гордости) денешься? Молчишь - гордишься: вот я какой молчальник. Говоришь - опять гордишься: вот как я хорошо говорю... Мы шага не можем сделать без греха... Бог может простить все: воровство, прелебодения, разбой... Но гордость - это медная стена между человеком и Богом" (В. А., стр. 15). И в результате гордые теряют Божью поддержку : "Бог гордым противится, смиренным дает благодать" - напоминает отец Михаил слова из Послания Иакова, подтверждая ими мысль, высказанную о гордости в начале книги. И в подтверждение сама Вероника, несколькими строчками ниже, приводит слова Ельчанова: "Блаженны некрасивые, неталантливые, неудачники - они не имеют главного врага - гордости". В мире гордость кардинальным грехом не считается. И поэтому Алфеева отводит разговору о грехе гордыни больше места, чем другим. Для нее важно развеять это заблуждения. Все остальные грехи, по словам отца Михаила, это производные от первородного греха гордости, потому что гордость мешает людям признать себя виновными перед Богом: "Мы ведь все очень гордые люди, и ничего нет на пути к Богу труднее смиренного сознания своих слабостей ... и покаяния", - говорит отец Михаил. (В.А., стр. 69). И наоборот, чем ближе человек к Богу, тем яснее он понимает , что он ничто без Него: "И чем ближе человек к Богу, тем больше ощущает свою греховность... Важно осознать свою мерзость пред Богэм... " проповедует Веронике отец Михаил. И добавляет, что это единственный путь для духовного

исцеления, потому что к искренне кающемуся Бог "придет и всякий твой недостаток восполнит от Своего избытка и по Своей любви". (В. А., стр. 69, 44).

Алфеева касается также вопроса о том, есть ли временные ограничения для Божьего прощения. Как и Домбровский, который устами божьего человека Яши заявляет, что таких ограничений для Бога не существует, Алфеева, через Веронику, доказывает, что покаяться никогда не поздно, даже на смертном одре. В разговоре с Вероникой реставратор Эли призналась, что она верит в Бога, но ей уже 50 лет, и это слишком поздно, чтобы меняться. Вероника ответила ей, что к Богу опоздать нельзя и напомнила Эли притчу о работниках из 20-й главы Евангелия от Матфея. В притче одни работники пришли работать на виноградник с раннего утра, другие - днем, третьи - перед концом работы. Но при расчете все получили денег поровну. Эли спросила: "Разве это справедливо?" И Вероника ответила: "Это гораздо больше, чем справедливость - это милосердие... В милосердии Божиим все наше зло утопает, как горсть песка в океане... Добро тоже. Поэтому мы ничего не можем заработать, с утра мы приходим или к ночи. Не в воздаяние все дается, а даром... как сама жизнь". (В. А., стр. 43). Здесь Вероника - Валерия Алфеева затрагивает следующую доктрину христианства - о безграничности Божьего милосердия и о тщетности всех человеческих стараний заработать его добрыми делами, доктрину о первичности раскаяния, смирившегося перед Богом сердца, и вторичности добрых дел и высоко нравственной жизни.

Развивая перед читателями христианское учение о путях к достижению истинного духовного совершенства, Алфеева далее рассуждает о том, почему многие ищущие полноты жизненного опыта

приходят в итоге своих исканий к Богу.

Мирская жизнь... обольщает, дразнит, влечет, поглощает душу и сердце, но никогда не насыщает их, хотя неизменно обещает насытить - завтра. В этом мире нет надежных опор..., нет ни верховного смысла, оправдывающего все, ни четких границ между добром и злом, нет сердцевины. И поэтому его влекущая, непостоянная, мерцающая неясными отсветами чего-то иного плоть пуста... Потому что всякая сущность укоренена только в Том, Кто в откровении Ветхого Завета сказал Свое имя: "Я есмь Сущий - Сущность бытия и Самобытия".

(В. А., стр. 80).

Испытав тщетность попыток найти призрачное счастье в этом мире, пишет Алфеева, человек начинает задумываться о Боге. "Теперь я знаю, зачем Ты создал нашу душу такой беспредельной, такой глубокой, что ничем на земле ее нельзя заполнить и за всякой радостью есть желание радости более чистой, за всякой любовью - желание высшей любви. В нашей неутоленности, неутолимости - тоска о Тебе, нескончаемой радости и вечной Любви, и всякое наше желание в последнем пределе - это желание Бога" .

(В. А., стр. 54).

В этом мире, говорит Вероника, все неустойчиво и преходяще, даже человеческая любовь. "Любовь, отдельная от Бога, не выдержит нагрузки непомерных ожиданий,.. не утолит нескончаемой жажды... Пьющий воду сию (т. е., любовь без Бога - В.П.), возжаждет опять,

а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек, " - здесь Вероника подтверждает свое заявление о ненасытимости человеческого сердца земными радостями словами из Евангелия от Иоанна 4:13,14 (В. А., стр. 55).

Алфеева представляет остальную часть христианского учения в виде логической цепи от причины к следствию. Поскольку человек не может удовлетворить до конца свою душу ничем земным, он начинает искать что-то не от мира сего. Конечно, далеко не каждый человек способен на протяжении всей своей жизни испробовать все блага, которые способен дать ему мир, чтобы убедиться, что ничто из этих благ не насыщает душу. Многие, пожалуй большинство, так и уйдут из жизни с иллюзией, что счастье на земле возможно, только их жизнь им обделила. Далекое на каждом дается в жизни возможность, как Соломону, испытать все радости этого мира под солнцем. И тем не менее каждый человек знает, что как бы ему ни повезло в жизни, со смертью наступает конец всему. Поэтому можно утверждать, что каждый мыслящий человек рано или поздно должен задуматься о смысле жизни, о какой-то иной, не от мира сего радости, существование которой люди смутно предчувствуют. И тогда очень вероятно, что мысли человека обращаются к Богу. И тут, говорит Алфеева, человеку необходимо знание с Богом - Кто он, что Он о нас думает, как найти Его. Отец Михаил, сам искавший ответа на все это вопросы, делится с Вероникой опытом своих исканий и говорит, что он нашел необходимые ответы в Библии:

...я прочел Евангелие. Оно потрясло все мое существо...

Отчасти похоже на выход на свободу. Но только отчасти...

Ведь выйдя на свободу, сам я оставался тем же, каким был в

тюрьме. Я нес ее, был пропитан ею - ненавистью, грязью, памятью о человеческом унижении и позоре, и вся эта мерзость стояла во мне, разрывалась изнутри, подступала к горлу... И вдруг... Я прочел Евангелие - и... над прежней безобразной жизнью мне открылась божественная высота предназначения человека. И этот человек - тоже я!"

Так рассказывает он о своем обращении Веронике. (В. А., стр. 76).

Следовательно, как делает вывод Алфеева, человек, обращающийся к Богу, внезапно прозревает относительно своего высшего призвания, и это прозрение приносит ему душевный мир и непреходящую радость.

Следующая истина христианского учения непосредственно связана с таким обращением к Богу. Христианское учение гласит, что Бог принимает всех, кающихся и призывающих Его имя. Но почему тогда не все люди это делают? И здесь Алфеева входит в область, которой до нее, практически, никто в русской литературе не касался. Она говорит о Святом Духе, о суверенной Божьей воле, направляющей этого Святого Духа к тому человеку, которого избирает для этой цели Бог. Без этого действия Святого Духа все размышления о Боге останутся умозаключениями, в которых нет жизни. Только "...если Дух Святой найдет на тебя и сила Всевышнего осенит тебя, тогда ты сам узнаешь (как приобщиться к небесному, к бессмертию В. П.) и это будет опытом твоей жизни в Боге, а не чужими словами о Нем", - говорит Вероника в повести "Джвари". (В. А., стр. 41) Вероника рассказывает вкратце, как Бог Сам вел к себе ее, ее сына Митю и их друга Давида:

И все-таки не я нашла Истину, а она меня ("любящие Бога,

призванные по Его изволению" - К Римлянам 8:28). Так было и с отцом Давидом, которого Бог привел за откровением о Себе к отцу Михаилу... Давид относился к меньшинству, для которого бытие требует оправдания высшим смыслом. И его встреча с игуменом Михаилом не была случайной, как ничто не случайно... В нашей небольшой религиозной биографии Бог выслал нам навстречу только лучших Своих служителей - по великой милости Своей".

(В. А., стр. 38).

Таким образом, В. Алфеева представляет еще одну истину христианской доктрины, заключающуюся в том, что Бог первый проявляет инициативу и касается человека Своей истиной через Своего Святого Духа и Своих служителей. Это избрание Богом в христианстве называется "призванием".

Вслед за призыванием, согласно христианской доктрине, следует оправдание и спасение. Алфеева не упускает в своей повести и этого важного момента. И объясняет, что уникальный дар спасения приходит от Бога и становится для человека реальностью не в результате чудодейственных таинств религии, а в силу веры, которая первоначально посылается избранному человеку Богом: "Таинства не действуют магически. И освящается человек по вере", - говорит отец Михаил. (В. А., стр. 8). Здесь следует упомянуть аналогичные заявления о роли веры, которые содержатся и в Ветхом, и в Новом Завете. В книге пророка Аввакума сказано; "Праведный верою жив будет". (2:4). Что позднее подтверждено в Новом Завете апостолом Павлом: "Человек оправдывается верою" (Послание к Римлянам 3:28).

Это оправдание, или спасение, говорит далее Алфеева, "не в воздаяние дается, а даром, в дар... как Святыя Дары, как сама жизнь" (В. А., стр. 43). И этот дар стал возможным, согласно христианскому учению, только в результате жертвы, принесенной за человека Сыном Божиим. Вероника размышляет над жертвой, на которую пошел Бог-Сын, став на время смертным человеком:

...вочеловечивание и стало самоограничением Вечного, Всемогущего и Беспредельного - во временном, слабом, плотском. А дальше все глубже становилось это добровольное уничтожение, все тяжелее крест, страдание бесконечного в конечном - до жертвенной смерти, предельной самоотдачи и последнего страдания.

(В. А., стр. 51).

Во все это, согласно христианскому учению, как пишет Алфеева, должен поверить человек, если он желает еще на земле приобщиться к небесному, вечному. Поверить в "величайшую тайну боговоплощения, тайну Иисуса Христа - Сына Божия", преобразы которой можно найти во всех писаниях ветхозаветных пророков. (В. А., стр. 51). Здесь Алфеева входит в область метафизическую, которой другие авторы советского периода не касаются.

Большое место в повести Алфеевой занимают рассуждения о том какой должна быть христианская жизнь. Христианская жизнь - это, прежде всего, жизнь молитвы. "Подвижники стяжали непрерывную Иисусову молитву... Такой человек всегда предстоит Богу".(В. А., стр. 15). "Молитва - вообще первое дело, а все остальное - второе,"- говорит отец Михаил в разговоре с Вероникой (В. А., стр.63). И добавляет несколько ниже: "Молитва и есть школа любви - путь к Богу и общение, единение с Ним. А вне Бога мы

ничего и никого любить не можем". (В. А., стр. 78).

Второе необходимое качество христианской жизни - постоянно благодарить Бога за все, даже за испытания, и всегда радоваться. "Надо благодарить Бога и радоваться" - спокойно повторял отец Михаил". (В. А., стр. 5; то же самое говорил апостол, Павел в Послании к филиппийцам 4:4,6,7). "Надо благодарить во время испытаний", - добавляет отец Венедикт (В. А., стр. 35; это перекликается с Посланием к Ефессянам 5:20 и к филиппийцам 4 : 6 , 7) .

О борьбе с остатками греха в душе и жизни человека даже после обращения к Богу говорят и отец Михаил, и отец Венедикт:

Мы рождаемся и растем вместе с семенем греха, он в наших желаниях и страстях... Каленым железом его надо выжигать всю оставшуюся жизнь. И чем ближе человек к Богу, тем больше ощущает свою греховность,

- говорит отец Михаил, из чего следует, что даже осознание собственных грехов исходит от Бога. Отец Венедикт добавляет к этому, что не все грехи равны, следует различать, какой из них тяжелее и бороться с таким грехом в первую очередь: "...что хуже: съесть кусок мяса или осудить брата?" (В. А., стр. 31).

Другой грех, который верующий должен искоренять из своей жизни - это пользование привилегиями. "Надо бояться привилегий и избегать их". (В. А., стр. 44).

Даже такую похвальную по земным стандартам вещь, как знание, следует, как заявляет отец Михаил, подчинять более высокой цели - духовному совершенствованию. "Нам все позволено, но не все полезно",- сказал он Веронике, когда она попросила у него разре-

шения взглянуть на книги. (Приведенные здесь слова отца Михаила - прямая цитата из 1-го Послания апостола Павла к Коринфянам, глава 6-я, стих 12-й). Отец Михаил затем объясняет Веронике, почему излишнее знание может быть вредно для духовной жизни духовно незрелого человека.

Зачем вы читаете Лествичника, эту классику монашеского опыта, если живете в миру? Это только увеличивает разрыв между тем, что вы знаете, и тем, что вы есть... Это интеллектуальная жадность: одни набивают комнату мебелью, другие набивают голову знаниями, внешними для них... Христианство не сумма познаний, а образ жизни...

(В. А., стр. 33-34; ср. 1-е Коринфянам 8:1: "Знание надмевает, а любовь назидает".)

Алфеева не обходит молчанием и другой принцип христианского учения, основополагающий принцип христианской жизни - заповедь Христа для верующий любить друг друга. "Если мы с тобой разговариваем о Боге, но между нами нет любви, все наши слова - звук пустой". (В. А., стр. 50; это почти дословное повторение фразы из знаменитой 13-й главы о любви из 1-го Послания апостола Павла к Коринфянам).

В русской православной церкви есть традиция - отводить одно воскресенье в году для прощения, когда верующие просят друг у друга прощения за совершенные ими нечаянные или сознательные обиды. Этот обычай, по идее, должен служить поддержанию искренней, ничем не омраченной любви между членами церкви, во исполнение заповеди Христа "любите друг друга". Алфеева пишет об этом обычае следующее:

В мистическом смысле... все мы друг перед другом виноваты, даже если не знаем за собой никакой вины. А если заглянуть глубоко, то и вина найдется... Поэтому в Церкви есть Прощенное воскресенье, когда все просят друг у друга прощения, есть покаяния, исповедь, смывающая вину. А в мире эта вина разрастается, накапливается как электричество в тучах, и разражается на коммунальном уровне - ссорой, на глобальном - войной...

(В. А., стр. 44, 45).

Следующий принцип христианской жизни, о котором говорит В. Алфеева, вытекает из предыдущего завета взаимной любви. Это принцип активного добра. Верующий должен делать доброе всем, с кем он сталкивается в жизни. Однако делать добро надо не для личной славы, а ради ближнего, чтобы никто об этом не знал. Здесь Алфеева снова почти буквально цитирует Евангелие: "И если ты сделал доброе дело, но рассказал об этом - ты сделал его напрасно: "Чтобы милостыня твоя была втайне", - пишет Алфеева на стр. 44 в своей повести. Эти же слова можно найти в Евангелии от Матфея 6:3,4.

Точно также, добавляет ниже отец Михаил, следует воздерживаться от внешних знаков благочестия - ради укрепления внутренних:

...Привез из Афона обычай не носить креста даже на богослужении... Должно быть по-афонски же он не позволяет, чтобы ему целовали руку при благословении; чаще всего не совершает и крестного знамения, а просто говорит: "Бог благословит",

- замечает об отце Михаиле Вероника (В. А., стр. 50).

И Алфеева объясняет, что дает верующему силы на такую строгость к себе и праведность в личной жизни: "Вкусивший благодать презирает все страсти и не дорожит самой жизнью, потому что Божественная любовь дороже жизни". (В. А., стр.81). В другом месте она описывает, по необходимости, в земных терминах, что значит испытать эту Божественную Любовь:

Глубокий-глубокий мир, блаженство, тепло, благоухание, сладость - преображение, воскресение души, утоление всех желаний и насыщение всех чувств... это и есть присутствие благодати Святого Духа, Царство Божие, явленное...

Он (Бог) был во мне, лежащей на траве, и вокруг, а я светло, благодарно и полно ощущала Его присутствие"

(В. А., стр. 76, 66)

И Вероника, испытавшая этот религиозный опыт Божьего присутствия, уже не представляет для себя жизни без Бога:

"Я предпочла бы потерять жизнь. Чтоб я делала с ней - без Бога? " (В. А., стр. 43).

В "Джвари" много места уделено описанию таинств православной церкви, значению этих таинств и роли самой церкви.

Его церковь оставлена на земле, чтобы осмысливать и одухотворять жизнь мира. (В. А., стр. 58)

"Без церкви и таинств нет христианства " (В. А., стр. 40)
- говорит с убежденностью Алфеева, отличаясь в этом от остальных писателей, касающихся христианской темы, которые таинствам не придают большого значения.

Самым важным таинством в православной церкви, согласно В. Алфеевой, является Евхаристия. Ее особая важность определяется тем фактом, что во время Евхаристии, или причастия,

"те же произносятся слова, и те же самые Дары, которые приняли ученики Христа из Его рук, мы принимаем сегодня из Святой чаши... Тот же, Кто освятил их две тысячи лет назад, присутствует на тайной Вечери Евхаристии, Сам освящает и благославляет Святые дары. Нисходит Дух и совершается Тайная Вечеря, причастники принимают Тело и кровь Нового Завета. И этот момент соединение человека, восходящего в покаянии и любви к Богу, и Бога, в прощении и милосердии нисходящего к человеку, - точка пересечения времени, Вечности, центральная точка бытия.

(В. А., стр.42, 52; также 1 Коринфянам 11:24)

Согласно доктрине православной церкви, "Святые дары (хлеб и вино, которые священник раздает причащающимся - В.П.) преллагаются в Тело и Кровь Христа". И В. Алфеева объясняет, что это не просто внешний обряд, это реальность - физическое принятие Христа в физическое тело причащающегося. Ее героиня Вероника говорит:

Сердцевина истории совпадает с сердцевиной дня и нашей жизни, потому что "ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем". И это сердцевина тайны: Он принял не абстрактную плоть условного человека - это "Я в нем" и означает воплощение Христа в каждом из причастившихся, в нашем теле и нашей крови. Он воплощается в нас, чтобы нас спасти и обожить, снова быть распятым нашими грехами и в нас воскреснуть.

Участие в таинстве причащения, по словам Вероники, требует подготовки души, которая начинается с исповеди. Вероника исповедуется перед отцом Михаилом и затем описывает, что она при этом переживает:

Христос невидимо стоит, приемля исповедание мое. Я наклоняюсь над аналоем, положив голову на Евангелие. Игумен накрывает мне голову епитрахилью и кладет поверх епитрахили тяжелую ладонь. Потом мы говорим о монашестве, о Боге, о любви. Мое сердце, раскрывшееся на исповеди, оттаивало, порывалось к еще большей открытости, к очищению, просвещению благодатью.

(В. А., стр. 55)

Для тех, кто незнаком с православной службой, рассказ Вероники может представлять большой интерес. После исповеди, продолжает рассказ Вероника, следуют другие таинства и служба, завершающаяся самым главным таинством - причастием.

...перед Причастием напряжение нарастало и нарастало - после всеобщей, канонов и молитв к причащению, заканчивающихся иногда к середине ночи, после исповеди и литургии. Я, казалось, из последних сил добиралась до Чаши; а потом сил больше не было, да и не нужны они были больше, потому что все исполнилось и свершилось.

(В. А., стр. 58)

Повесть "Джвари" знакомит читателей, помимо православной церкви, с православным монастырем, его укладами, традициями, сложностями и радостями монастырской жизни. Отец Михаил сетует на то, что в наши дни изменился подход к пострижению в монахи, стал более легким.

Раньше... все делалось в должной последовательности. Сначала человека даже поселяли за оградой монастыря. Потом давали послушание и через несколько лет постригали в рясофор, - он получал право носить монашескую одежду. А когда научится по-монашески жить - постригали в мантию - инок давал обеты Богу. И только после многих лет в общежительном монастыре, в поздней зрелости его могли благословить на отшельничество. Монах уходил от людей не потому, что они его раздражают, или ему нет до них дела, или он не умеет жить с другими вместе. Наоборот, он должен сначала научиться любить всех. А потом может и в затвор уйти с этой любовью, потому что у него есть другое дело, более важное... Теперь, бывает, человек не успел настоящего монашества вкусить, а уже принял архиерейский сан, управляет епархией... Происходит обмирщение духовенства, обмирщение церкви. А последствия самые тяжелые - и маловерие, и компромиссы и внутрицерковные раздоры...

(В. А., стр. 78)

Отец Михаил подходит к монашескому призванию строже и серьезнее, чем современная ему православная церковь. Для него монашество - это постоянная борьба за святость собственной души,

против плотских страстей. И эта борьба в стенах монастыря, говорит он Веронике, еще острее и напряженнее, чем в светской жизни:

Монашество ... есть... невидимая брань со своей страстной природой. И слово Божие, как меч обоюдоострый, проникает до разделения души и духа, составов и мозгов... как говорил апостол, - и судит помышления и намерения сердечные. До разделения души и духа - вы понимаете, как это может быть страшно?

(В. А., стр. 69)

Здесь отец Михаил цитирует известные слова из Послания к Евреям 4:12, но они приобретают у него очень личное, современное звучание, как-будто их не отделяют от него два тысячелетия. У монаха, говорит далее отец Михаил, есть конкретный противник, с которым приходится вести битву каждый день. Этот противник сатана. Для отца Михаила он не аллегория - он страшная реальность

Вы забываете, что есть и дьявол,.. недооцениваете его роль. Вы думаете, что христианство - только праздник с вербами и свечами. А после входа в Иерусалим и была Голгофа... Это кровавая война - не на жизнь, а на смерть. Потому что ставка большая: судьба души в вечности...

(В. А. стр. 65)

Монах, говорит отец Михаил Веронике, находит святость и близость с Богом через смирение.

Чем должен заниматься монах? Молиться, бороться с помыслами и с гордостью...

(В. А., стр. 44)

Некоторые монахи еще при жизни достигают святости, облакаются силой свыше, обретают новую природу. Отец Михаил в качестве примера приводит историю отца Георгия, чудо его смерти, о которой он получил откровение заранее, чудо прихода странников к моменту его смерти, чтобы вырыть для него могилу и похоронить его. (В. А., стр. 48).

Из хода повествования видно, что стены монастыря не спасают человека от искушений. Особенно трудно бороться с естественной для мужчины страстью к женщине. И такую борьбу приходится пережить отцу Михаилу. Веронике, искавшей с ним душевной близости, он откровенно и даже резко сказал о "духовной близости" между мужчиной и женщиной:

Есть точное название для этих поэтических состояний: блудная страсть. Между мужчиной и женщиной не может быть духовной близости. Все замешано на страсти.

(В. А., стр. 56)

Монах должен отказаться от такой страсти ради Царства Небесного.

Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит.

(Слова Иисуса из Евангелия от Матфея 19:21)

Поскольку в монастыре "обостряется борьба со всеми страстями", как говорит об этом отец Венедикт (В. А., стр. 21),

...в монастыре все должно быть жестко, строго. Чем больше

красоты, тем больше соблазна...

Даже монастырская пища должна быть непривлекательной.

Знаете, что такое настоящая монастырская пища? У которой нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха.

(В. А., стр. 21 - о.Венедикт)

Человек, стремящийся к совершенству души, будь то монах или просто верующий, следовательно, должен избегать удовольствий жизни во всех проявлениях, включая увлечение искусством.

Религиозная жизнь - путь нравственного совершенствования, углубления в себя, приближения к первообразу, к божественному замыслу о нас самих... Актерство, писательство чаще всего остается сменой чужих личин, фальсификацией, игрой... Но эта игра кажется ему (человеку - В.П.) такой значительной, что в каждом своем проявлении он готов видеть божественное начало...

(В. А., стр. 23, - Вероника)

Здесь убеждения Алфеевой диаметрально противоположны взглядам Б. Пастернака, который считает всякое проявление жизни с ее страстями, с прекрасным, с художественным творчеством такой же святостью, как само небо. Вероника как бы отвечает Пастернаку, когда цитирует слова Александра Ельчанинова о том, что человеку искусства, человеку одаренному, труднее прийти к Богу, потому что

...одаренный человек бывает подобен гейзеру - в нем не остается ни места, которое мог бы занять Бог, ни тишины, в которой можно услышать Бога.

(В. А., стр. 23)

И наоборот, говорит Вероника,

...чем больше люди ощущали вкус к подлинной духовной жизни - в богослужении, молитве, - тем меньше они нуждались в творчестве внешних форм.

(В. А., стр.23)

Искусство может обрести право на существование в освященной жизни только после длительного периода безмолвия, приобщения к Божественной сущности, когда художник начинает создавать "Духом Святым" такие произведения искусства, которые прославляют Бога. Так были написаны "Троица" Рублева, псалмы Давида, Божественные гимны Симеона Богослова. (В. А., стр. 24).

Именно такое искусство, утверждает Алфеева, искусство вдохновленное и пронизанное Богом, становится отражением Бога, а, следовательно, и истины. Оно дает ответ на извечный вопрос Пилата: "Что есть истина?" Ибо истина - это Бог. И, таким образом, цель искусства, говорит Алфеева, отражать Бога.

Отражение Его в мире есть красота. Исполнение целей Его есть добро. Вот основание всей философии, эстетики и этики. И этим в жизнь введено понятие священного.

(В. А., стр. 80)

Пожалуй, именно в этом и состоит уникальность повести В. Алфеевой - в описании переживаний художника, вступившего в сферу священного.

Глава третья

В отличие от трех предыдущих романов, где все три автора строят повествование вокруг одного и того же евангельского эпизода - встречи Иисуса с проконсулом Понтием Пилатом, в романе "Доктор Живаго" Б.Пастернака Иисус как действующее лицо не присутствует вообще (исключение составляют стихи Юрия Живаго). Христианская тема в романе, по словам самого автора, это "атмосфера вещи", это его, Пастернака, личное понимание и восприятие христианства, которое "в своей широте немного иное, чем квакерское и толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным".* Под этими "другими сторонами Евангелия" Пастернак подразумевает самую сердцевину, сущность благой вести, принесенной Христом - весть о том, что над смертью одержана победа, что "смерти не будет уже" (Откровение 21:4). В русской художественной литературе к Евангелию с этой стороны до Пастернака никто не подходил. Пастернак оставляет в стороне нравственную сторону Евангелия, которая, начиная с конца 19-го века, была преобладающей темой у авторов, обращавшихся к христианскому вопросу, и поднимает метафизическую, трансцендентную сторону христианства идею бессмертия, т.е. жизни вечной. Роман "Доктор Живаго" это благодарственное славословие Жизни, Творению и Творцу, чем и объясняется и имя героя романа, и его название. Таким образом, в романе первая идея Пастернака, порожденная его пониманием христианства, состоит в том, что жизнь есть великое благо, за которое

*В.М.Борисов, "Река, распахнутая настежь". К творческой истории романа Бориса Пастернака "Доктор Живаго" (в книге Б.Пастернака "Доктор Живаго", издательство "Книжная палата", 1989, Москва, стр. 420).

надо непрестанно благодарить и благославлять Создателя.

Вторая идея христианства, как его понимает Пастернак, в романе вытекает из первой, а именно: смерть есть зло, которое можно и нужно преодолевать сознательным, целенаправленным усилием.

Третья идея: христианство - это предложение вступить в Царство Божие, где "нет народов, есть личности", в Царство Божие, которое вводит человека в историю, то есть во второе творение, основателем которого является Иисус Христос. И Пастернак утверждает, что человечество уже откликнулось на этот призыв и вступило в историю Царства, свидетельства чему мы видим во всех сферах жизни, искусства, культуры, цивилизации.

Любовь к жизни была у Пастернака доминирующей страстью с ранней юности и до конца его дней, еще с его поэмы *"Сестра моя жизнь"*. И если проследить варианты заглавий прозаических работ Пастернака, которые, в конечном итоге, привели к *"Доктору Живаго"*, можно увидеть, что эта страсть его никогда не покидала. После обширного инфаркта миокарда, когда его жизнь подверглась серьезной опасности, Пастернак благодарил Бога и плакал от счастья, что все еще может жить и творить. ""В минуту, которая казалась последнею в жизни, больше, чем когда-либо до нее, хотелось говорить с Богом, славословить видимое, ловить и запечатлевать его. "Господи,- шептал я,- благодарю Тебя за то, что ты кладешь краски так густо и сделал жизнь и смерть такими, что твой язык - величественность и музыка, что ты сделал меня художником, что творчество - твоя школа, что всю жизнь ты готовил

меня к этой ночи". Я ликовал и плакал от счастья".*

Б.Пастернак, до воцарения Маяковского считавшийся официально лучшим поэтом Советской России, еще с юности мечтал написать большой роман "с любовью, с героиней - как Бальзак". Он приступил к исполнению этой своей мечты в 1921 году, написав повесть "Детство Люверс", которая по его замыслу должна была стать первой частью задуманного им еще в 1917 году романа "Три имени". Этот роман, несмотря на большой успех "*Детства Люверс*", остался незаконченным из-за ряда обстоятельств как личного, так и общественного характера. Но уже в 1932-33 году, потрясенный ужасами коллективизации во время поездки под Свердловск, Пастернак написал несколько первоначальных отрывков будущего "*Живаго*". Начавшиеся в конце 1935-го года политические процессы привели Пастернака на грань душевного заболевания. Целый год его мучила бессонница. Во время лечения в Болшевском санатории он стал понемногу продолжать задуманный им большой роман, который, судя по уцелевшим листам, носил название "*Записки Патрикия Живульта*". Тогда же он принял решение начать прямой разговор со своим временем о жизни и смерти. "Именно в 36 году, когда начались эти страшные процессы,.. все сломилось во мне, и единение с временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал".** Принятое Пастернаком решение не идти ни на какие компромиссы с совестью, "быть равным самому себе", вернуло ему душевный мир и вместе с ним здоровье. Несмотря на серьезные политические выпады против него со стороны бывших друзей, Пастер

*Е.Пастернак, *К читателю*. Вступительная статья к книге Б.Пастернака "*Доктор Живаго*", издательство "Книжная палата", 1989, Москва, стр.9.

**Б.М.Борисов, "*Река, распахнутая настесь*". К творческой истории романа Бориса Пастернака "*Доктор Живаго*" (в книге

нак, раскрепостивший свою душу решением остаться верным голосу совести, вновь вернулся к работе над прозой. "Как раз сейчас, дня 2-3 как я урывками взялся за сюжетную совокупность, с 32 года преграждавшую мне всякий путь вперед, пока я ее не осилю... у меня выбора нет, я буду писать эту повесть", - писал он своей двоюродной сестре О.М. Фрейденберг в октябре 1936 года. Возвращение к заветному замыслу и внутреннее освобождение от страха привели к полному выздоровлению Пастернака. "Ядром, ослепительным ядром того, что можно назвать счастьем, я сейчас владею. Оно в той потрясающе медленно накапливающейся рукописи, которая опять после многолетнего перерыва ставит меня в обладание чем-то объемным, закономерно распространяющимся, живо прирастающим, точно та вегетативная система, расстройством которой я болел 2 года тому назад, во всем здоровье смотрит на меня с ее страниц и ко мне отсюда возвращается"* , - писал он в мае 1937 года отцу, несмотря на тот страшный факт, что ему ежеминутно можно было ожидать ареста.

К сожалению, почти все рукописи, написанные им до войны, сгорели на даче Вс. Иванова в Переделкине, где Пастернак оставил их на хранение. Сохранились два варианта заглавий будущего романа

"Когда мальчики выросли" и *"Записки Патрикия Живульта"*. Сходство фамилий Живульт и Живаго не случайно. Это свидетельство неумирающего интереса Пастернака к теме жизни. Более того, как заметил литературный критик В.М.Борисов, в прозе Пастернака нача-

Б.Пастернака *"Доктор Живаго"*, Москва, издательство "Книжная палата", 1989, стр.413).

ла 10-х годов есть герой по имени Пурвит (от французского *pour vie*). Смысловая тождественность этих трех имен свидетельствует, по словам В.М.Борисова, "о центральной интуиции всего пастернаковского творчества - интуиции бессмертия жизни" . *

Несмотря на то, что "Записки Патрика Живульта" пострадали от стихийного бедствия, сохранилась одна часть из них - "Начало прозы 36 года" - на основании которой можно судить о том, что эти "Записки" служили соединительным звеном между прежними вариантами "большого романа" и "Доктором Живаго". Здесь можно отметить и сходство героинь Евгении Истоминой и Лары Гишар, и идентичность места и времени действия (Урал, Кюратин), и сходство в судьбах мужа Истоминой и мужа Лары, Стрельникова, в судьбе Патрика Живульта и Юрия Живаго.

Потеря рукописей в пожаре не парализовала Пастернака. Зимой 1945-46 годов он начинает особенно интенсивно работать над романом всей своей жизни - "Доктором Живаго". Но тогда, в 1946 году, он еще называл роман, над которым работал, "Мальчики и девочки". В письме О.М. Фрейденберг Пастернак писал: "...это первая настоящая моя работа. Я в ней хочу дать исторический образ России, за последнее сорокапятилетие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжелого, печального и подробно разработанного, как, в идеале, у Диккенса и Достоевского, - эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое. Роман пока называется "Мальчики и девочки".** Это название было

* Ibid., стр. 415.

** Ibid., стр. 423.

заимствовано из начальной строки блоковского стихотворения "Вербочки", начинавшегося словами "Мальчики да девочки...", где речь шла о вербной субботе, предшествовавшей Вербному воскресенью, которое иначе называется праздником "Входа Господня в Иерусалим. Согласно церковному календарю за Вербным воскресеньем следует Страстная неделя, которая завершается Пасхой, т.е. Воскресением Христа. В.М.Борисов, на основании логической цепи "Мальчики и девочки" - "Вербочки" Блока - Вербное воскресенье - воскресение Христа - бессмертие для человека, приходит к заключению, что это название заключает в себе "хронологическое указание, тем самым соотносит время романа с названием христианского календаря и выражает... главную тему пастернаковской прозы - тему бессмертия жизни, идущей путем страданий". *

9 сентября 1946 года, пять дней спустя после того как А.Фадеев обвинил Пастернака в отходе от "нашей идеологии", состоялось первое чтение двух первых глав романа. 27 декабря - второе чтение начальных глав романа. Тогда же были написаны три первых стихотворения для тетради Юрия Живаго - "Гамлет", "Бабье лето" и "Зимняя ночь". В январе 1947 года было написано еще одно стихотворение "Юрия Живаго" - "Рождественская звезда". После этого следующие чтения: 6 февраля 1947 года у пианистки М. В. Юдиной, 5 апреля у О. В. Ивинской, 11 мая у Кончаловских. К тому моменту Пастернак еще не остановился ни на одном из названий для своего романа, колебался между такими названиями, как "Мальчики и девочки", "Рыньва" (на языке коми означает "река, распахнутая настезь"), "Нормы нового благородства", "Земной

* *Ibid.*, стр. 421.

*воздух", "Живые, мертвые и воскресающие".**

Весной 1948 года Пастернак заканчивает 4-ю часть романа, "Назревшие неизбежности", и отдает предпочтение заглавию "Доктор Живаго". (Что побудило некоторых критиков искать параллелей с "Доктором Фаустом"). Имя Живаго говорит само за себя. Это старославянская форма слова "живой" в родительном падеже, в точно таком виде, как оно встречается в одном из церковных гимнов. Выбрав такое название, Пастернак подчеркнул, чтобы не оставить ни у кого сомнений, что его книга - это книга во славу его возлюбленной "сестры жизни".

В декабре 1949 года была закончена 5-ая часть "Прощание со старым", в октябре 1950-го - 6-ая часть "Московское становище", а в октябре 1952 года Пастернак завершил последнюю, седьмую часть первой книги, "В дороге", и написал первую главу второй книги "Приезд".

Лето 1953 года было у Бориса Леонидовича периодом творческого взлета, когда он написал 11 стихотворений и шесть частей (с 9-й по 14-ю) второй книги.

И, наконец, в декабре 1955 года, в письме В. Т. Шаламову Пастернак написал: "Я окончил роман, исполнил долг, завещанный от Бога".

Роман впервые увидел свет в итальянском переводе, опубликованном миланским издательством Feltrinelli в 1957 году. С его выходом в свет, и особенно после присуждения Пастернаку Нобелевской премии, в его стране началась отвратительная, злобная кампания против Пастернака. Но, несмотря на горячие последние лет, работа над романом принесла ему "радостное возвращение к

* Ibid., стр. 426.

свободе и независимости". На протяжении всей работы над романом Пастернака не покидало острое чувство радости. "По наполнению, по ясности, по поглощенности любимой работой жизнь последних лет почти сплошной праздник души для меня. Я более чем доволен ею, я ею счастлив, и роман есть выход и выражение этого счастья", * - писал он в 1955 году, когда, по словам его сына, Евгения Пастернака, каждый день был для него днем преодоления смерти, постоянным ощущением пребывания в бессмертии, которое он считал расширенным понятием жизни. Именно в этом видел он сущность христианства как приглашения к бессмертию, к преодолению смерти силою духа.

Но прежде, чем приступить к рассмотрению пастернаковской идеи бессмертия, как расширенного понятия жизни, следует сказать несколько слов о библейской, в том числе и евангельской идее жизни и бессмертия.

Согласно Библии жизнь - это Божий дар человеку. "И Бог вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою". (Глава 2:7). Человек этот дар потерял, сделав роковой выбор в свою бытность в Божьем раю. Но Бог пожелал спасти венец Своего творения, и привел в действие альтернативный план. Согласно этому плану землю и потерянный человеческий род должен был посетить в определенный момент во времени Бого-Человек, Который воспримет в Себя все человечество с его грехами и пороками и затем, умерев, уничтожит силу греха и смерти, "смертию смерть поправ".

И, воскреснув после этого, этот Бого-Человек подарит бессмертие

*Е.Пастернак, *К читателю*. Предисловие к книге Б.Пастернака "Доктор Живаго", Москва, издательство Книжная палата", 1989, стр.10.

всем, кто добровольно принимает и признает Его своим Спасителем и Господом. Для таких людей в Библии есть обетование: "Смерти не будет".

Жизнь, которую дарует Бого-Человек Иисус Христос принимающим Его, это полнокровная, совершенная жизнь в новом, нетленном теле воскресения. И чтобы не оставалось сомнений по поводу реальности телесного воскресения, Он, воскресши из мертвых в новом теле, в течение сорока дней являлся Своим ученикам и последователям, ел с ними, ходил с ними и даже предложил "неверующему Фоме" вложить свои персты в раны, оставшиеся на Его теле воскресения в память о перенесенных страданиях. Так Иисус зримо явил людям, на примере Своего тела воскресения, в какие тела облекутся в будущем все Его последователи (нетленное, но способное к приему пищи; внешне отличное от бывшего тела - Иисуса после воскресения никто не мог сразу узнать, узнавали только по жестам, привычкам; способное проникать через материальные преграды, такие как стены, окна и т.п., способное мгновенно перемещаться на любое расстояние и т.д.)

О телесном, физическом воскресении было известно еще Иову, жившему во времена до Авраама. Знание это было утешением Иову в серии обрушившихся на него невероятных страданий: "А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восстановит распадающуюся кожу мою сию; и я во плоти моей узрю Бога". (Иов 19 : 25 , 26) .

О воскресении из мертвых говорил в Ветхом Завете и пророк Даниил: "И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление". (Даниил 12:2). Есть слова о телесном воскресении и в пророчествах Исаии

(26:19), и в знаменитой главе Иезекииля о воскресении "сухих костей" (глава 37).

Но особенно богат сведениями о воскресении мертвых Новый Завет Библии. Упоминания о воскресении можно найти почти в каждой книге Нового Завета, от Матфея до Откровения. Главный глашатай воскресения в Новом Завете - Павел. Для него телесное воскресение - сущность христианской надежды и благой вести. Вот что он говорит об этом в своем 1 Послании к Фессалоникийцам 4:13-18: "Не хочу же оставить вас, братья, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь Бог при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом и мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем". Но прежде, чем это случится с оставшимися в живых, они также облечутся в новое нетленное тело воскресения: "Говорю вам тайну: не все мы умрет (до Второго Пришествия Господа), но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся;...когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: "поглощена смерть победою". (1 Коринфянам 15:51-54). И, по словам Павла, если исключить идею воскресения из христианства, то самого христианства не останется: "А если Христос не воскрес, то

и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша" . (1 Корифянам 15:14). И далее: "И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков". (Там же, 15:19). Перечень указаний на буквальное телесное воскресение можно было бы продолжить. Но приведенного выше вполне достаточно, чтобы увидеть, что в Библии содержится обетование телесного воскресения или перевоплощения в нетленное тело для вечной жизни, т.е. бессмертия. Именно в этом обетовании бессмертия видел новаторство христианства оригинальный русский философ-библиотекарь Федоров, призывавший в своем труде *"Философия общего дела"* всех людей откликнуться на призыв Христа и приступить к устройению работ, во всех сферах человеческой деятельности, по достижению воскресения отцов. Несмотря на очевидную нелепость идеи Федорова о достижении бессмертия силами и средствами смертных и несмотря на несопоставимость его идеи воскресения с библейской, у Федорова в его время было немало последователей, в числе которых были К. Циолковский, В. Маяковский и, до какой-то степени, Б.Пастернак, который часто встречался с Федоровым в доме своих родителей. Литературный критик С. Семенова, хорошо знакомая с идеями Федорова, в своей статье *"Всю ночь читал я твой завет..."*, прослеживает прямую связь между восприятием христианства у Федорова и восприятием христианства у Пастернака, отразившимся в романе *"Доктор Живаго"*. Идею о нелепости христианства без воскресения и о связи между христианской идеей воскресения и идеей воскресения в романе *"Доктор Живаго"* Семенова аргументирует следующим образом. Естественная жизнь в природе подчиняется закону угасания и смерти, закону вытеснения слабого сильным. Смерть порождает в сердце человека вечный страх, который обуславливает поведение человека

на протяжении всей жизни. Приходит Христос и призывает отказаться от такого привычного положения вещей, обещает сделать тех, кто последует за Ним, свободными. Свободными от чего? Свободными от страха смерти, от ее рабства, свободными жить жизнью, заповеданной Богом, о которой интуитивно каждый подозревает, но на которую почти никто не решается. Только такая жизнь, лишенная страха за завтрашний день, страха перед смертью, может называться настоящей жизнью. Вот почему Христос, одержавший победу над смертью, назван в Библии "начальником жизни", даже самой жизнью: "Я есть путь и истина и жизнь..." Стоит преодолеть страх смерти, присущий смертным, и наступает истинное освобождение, не зависящее от внешних факторов. Такое освобождение переживал Пастернак, когда, не подчинившись диктату официальной литературной школы, не испугавшись реально грозившей ему в 30-е годы смерти, остался "верен самому себе". И работа над романом, который не следовал соцреалистическим установкам, стала для него воистину радостью воскресения. Вот почему для Пастернака Христос - самый дорогой Учитель и образец, на который следует равняться, которому надо всегда оставаться верным. Христос, не убоившись смерти, исполнил долг Пославшего Его. Точно так же, в интерпретации Пастернака, исполнил долг пославшего его и Гамлет, и он сам, Борис Пастернак, отчего в романе легко проследить параллель между Христом, Гамлетом и поэтом. А оставаться верным Христу - значит хранить верность божьей жизни, божьему замыслу о человеке и не сдаваться перед душителями этой жизни. Именно поэтому роман *"Доктор Живаго"* становится гимном во славу божьей жизни, призывом активно созидать и отстаивать эту жизнь и стремиться к достижению победы над смертью

силою духа.

Пастернак, безусловно, сознает и признает Божье авторство во всех проявлениях земной жизни, в природе, в индивидуальной человеческой жизни и в истории. Но он также видит и сознает, что человек, которому Бог даровал свободу воли, зачастую совершает насилие над этой жизнью, превращая ее в "поруганную сказку". По всему роману рассыпаны мысли о значительности, святости, символичности жизни, мысли о том, что жизнь, сама по себе, важнее и значительнее всех человеческих философий и теорий о ней. И как преступно заблуждаются те, кто мнит себя хозяином жизни, способным переделать ее, загнать ее в железные колодки. "Переделка жизни! Так могут рассуждать люди, хотя может и выдавшие виды, но ни разу не узнавшие жизни, не почувствовавшие ее духа, души ее. Для них существование это комок грубого, не облагороженного их прикосновением материала, нуждающегося в их обработке. А материалом, веществом, жизнь никогда не бывает. Она сама, если хотите знать, непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий". ("Д-р Живаго" стр.256). Пастернак, устами доктора Живаго, говорит о том, что о значительности, символичности жизни свидетельствует Евангелие: "До сих пор считалось, что самое важное в Евангелии нравственные изречения и правила, заключенные в заповедях, а для меня самое главное то, что Христос говорил притчами из быта, поясняя истину светом повседневности. В основе этого лежит мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна".* Евангелие покорило Пастернака именно этой

*"Доктор Живаго, стр.43

своей близостью к жизни, этим подчеркиванием символичности самых обыкновенных ее проявлений. И он видел смысл искусства и задачу художников в том, чтобы подхватить и продолжить подтему, окрашивающую учение Христа и все Евангелие - о символичности жизни и о значимости для Вселенной каждой отдельной человеческой жизни. "Голой правоты, голой истины, голой святости неба не любил он. И голоса евангелистов и пророков не покоряли бы его своей все вытесняющей глубиной, если бы в них не узнавал он голоса земли, голоса улицы, голоса современности, которую во все века выражали наследники учителей - художники. Вот перед кем по совести благоговел он, а не перед героями, и почитал совершенство творения, вышедшего из несовершенных рук, выше бесплодного самоусовершенствования человека".* И поэтому высшее назначение всякого искусства - продолжать вечную летопись о жизни человека, писать "Божью повесть" о нем: "У искусства есть вечная тема, которая не умирает, независимо от заявлений о "смерти искусства", "смерти языка" - это жизнь отдельного человека, ничем не знаменитого, не выделяющегося среди других особыми привилегиями, даже как-будто ненужного обществу. В истории такой жизни без помех, в чистоте вырисовывается Божья рука, Божья повесть о человеке".** Именно таким "ненужным обществу", "ничем не знаменитым" является герой романа Пастернака Юрий Живаго, что позволяет автору продемонстрировать, без помех, действие в его жизни "Божьей руки".

Пастернак в своем романе постоянно обращает внимание читателя на символичность жизни. Природа у него наделяется сознанием,

*Доктор Живаго, стр.11

** Ibid. стр.10

чувствами, сознательно взаимодействует с человеком, говорит с ним на своем языке. Природа и человеческая жизнь переплетаются, переходят друг в друга. "Оно (недоступно высокое небо) как бы окуналось у них в детской в таз с позолотой и, искупавшись в огне и золоте, превращалось в заутреню или обедню в маленькой переулочной церквушке, куда няня его водила. Там звезды небесные становились лампадками, боженька - батюшкой и все размещались на должности более или менее по способностям." (Д.Ж. стр.75).

Природа и человек, физические и нравственные явления постоянно как бы рифмуются в романе. То, что происходит в душе героев, находит отклик, отражение в окружающей природе.

"Он избавлялся от упреков самому себе, недовольство собою, чувство собственного ничтожества на время оставляло его. Он оглядывался, озирался кругом.

Он видел головы спящих Лары и Катеньки на белоснежных подушках. Чистота белья, чистота комнат, чистота их очертаний, сливаясь с чистотой ночи, снега, звезд и месяца в одну равнозначительную, сквозь сердце доктора пропущенную волну, заставляла его ликовать и плакать от чувства торжествующей чистоты существования.

"Господи! Господи!" - готов был шептать он. "И все это мне! За что мне так много? Как подпустил ты меня к себе, как дал забрести на эту бесценную твою землю, под эти твои звезды, к ногам этой безрассудной, безропотной, незадачливой, ненаглядной?" (Д.Живаго стр.328).

События жизни человека, происходящее в природе на земле и происходящее на небе, параллели между библейской историей и современностью - все это указывает на постоянно повторяющийся узор

во вселенной, на символичность простой человеческой жизни, на ее значимость в историческом развитии мира. "В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно: состояние мировой мысли и поэзии, и то, что ей предназначено в будущем, следующий по порядку шаг, который предстоит ей сделать в ее историческом развитии. И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в движение". (Д.Ж.,328).

И то, что находится над мировой поэзией и управляет ее историческим развитием, управляет также судьбами людей и всей историей, соединяя воедино земное с небесным. "Все движения на свете в отдельности были рассчитано-трезвы, а в общей сложности безотчетно пьяны общим потоком жизни, который объединял их. Люди трудились и хлопотали, приводимые в движение механизмом собственных забот. Но механизмы не действовали бы, если бы главным их регулятором не было чувство высшей и краеугольной беззаботности. Эту беззаботность придавало ощущение связанности человеческих существований, уверенность в их переходе одного в другое, чувство счастья по поводу того, что все происходящее совершается не только на земле, в которую закапывают мертвых, а еще в чем-то другом, в том, что одни называют царством Божиим, а другие историей, а третьи еще как-нибудь". ("Д.Ж." стр.22).

Для Ю Живаго отношение к небесному, божественному - это не религиозное поклонение, а простое, естественное общение с родственными ему силами. "Он чувствовал себя стоящим на равной ноге со вселенной и совсем по другому выстаивал панихиды по Анне Ивановне, чем в былое время по своей маме. Тогда он забывался от

боли, робел и молился. А теперь он слушал заупокойную службу как сообщение, непосредственно к нему обращенное и прямо касающееся. Он вслушивался в эти слова и требовал от них смысла, понятно выраженного, как это требуется от всякого дела, и ничего общего с набожностью не было в его чувстве преемственности по отношению к высшим силам земли и неба, которым он поклонялся как своим великим предшественникам. (Д.Ж. стр. 76).

Подобную же преемственность Пастернак видит и между событиями библейскими и событиями в современной ему жизни, подчеркивая этим символичность последних. Евангелие дорого Пастернаку именно тем, что в нем Христос говорил "притчами из быта". Пастернак продолжает традицию Евангелия и сам говорит с читателем "притчами из быта", что роднит его повествование с тем органическим восприятием мира, которое пришло к нам через века, отмеченное евангельской темой. Тепловое, световое восприятие мира, в котором легко узнать голос земли и современности - вот что восхищает писателя в художниках, а не бесплодные старания человека к самоусовершенствованию. "Человек рождается жить, а не готовиться к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны..." ("Д.Ж.", стр.227).

Для Пастернака, как и для его героя, дар жизни - это истинное чудо, и чудо рождения ребенка аналогично чуду создания поэзии. И поэтому каждое зачатие он считает священным и непорочным, каждая мать - сродни Богородице. "Мне всегда казалось, что каждое зачатие непорочно, что в этом догмате, касающемся Богородицы, выражена общая идея материнства. На всякой рожающей лежит тот же отблеск одиночества, оставленности, предоставленности себе самой. Мужчина до такой степени не у дел сейчас, в это существование"

из мгновений, что точно его и в заводе не было и все как с неба свалилось.

Женщина сама производит на свет свое потомство, сама забирается с ним на второй план существования, где тише, и куда без страха можно поставить люльку. Она сама в молчаливом смирении вскармливает и выращивает его.

Богоматерь просят: "Молися прилежно Сыну и Богу Твоему". Ей вкладывают в уста отрывки псалма: "И возрадовася дух мой о Бозе Спасе моем. Яко воззри на смирение рабы своея, се бо отныне ублажат мя вси роди". Это она говорит о своем младенце, он возвеличит ее ("Яко сотвори мне величие сильный"), он - ее слава. Так может сказать каждая женщина. Ее бог в ребенке. Матерям великих людей должно быть знакомо это ощущение. Но все решительно матери

матери великих людей, и не их вина, что жизнь потом обманывает их". (Д.Ж., стр.215).

Как мы видели выше, Пастернак относит к категории чуда рождение любого ребенка, ставя его в одну категорию с чудом непорочного зачатия Богоматери. В то же время Пастернак указывает на параллель между материнством Марии и ветхозаветными Божьими чудесами, сотворенными с народом Израиля. Таким образом, он поднимает до уровня Божьего чуда любое человеческое зачатие и рождение, представляет его столь же важным для Божьего плана, как и все великие библейские события. И чтобы показать это, Пастернак использует прием сопоставления событий Ветхого Завета с событиями из Нового, а затем - с религиозными гимнами, преданиями и, наконец, с современными ему событиями, доказывая этим сравнением символичность рядовой человеческой жизни. "Большинство стихир

образуют соединение рядом помещенных ветхозаветных и новозаветных представлений. С положениями старого мира, неопалимой купиной, исходом Израиля из Египта, отроками в печи огненной, Иной во чреве китовом и так далее, сопоставляются положения нового, на пример, представления о зачатии Богородицы и о воскресении Христе.

В этом частом, почти постоянном совмещении, старина старого, новизна нового и их разница выступают особенно отчетливо.

В целом множестве стихов непорочное материнство Марии сравнивается с переходом иудеями Красного моря. Например, в стихе: "В мори Черннем неискусобрачные невесты образ написася иногда" говорится: "Море по прошествии Израилеве пребысть непроходно, непорочная по рожестве Еммануилове пребысть нетленна". То-есть, море после перехода Израиля стало снова непроходимо, а Дева, родив Господа, осталась нетронутой. Какого рода происшествия поставлены тут в параллель? Оба события сверхестественны, оба признаны одинаковым чудом. В чем же видели чудо эти разные времена, время древнейшее первобытное, и время новое, послеримское, далеко подвинувшееся вперед?

В одном случае по велению народного вождя, патриарха Моисея, и по взмаху его волшебного жезла расступается море, пропускает через себя целую народность, несметное, из сотен тысяч состоящее многолюдство, и когда проходит последний, опять смыкается и покрывает и топит египтян. Зрелище в духе древности, стихия послушная голосу волшебника, большие толпящиеся численности, как римские войска в походах, народ и вождь, вещи видимые и слышимые, оглушающие.

В другом случае девушка - обыкновенность, на которую древнии

мир не обратил бы внимания, - тайно и втихомолку дает жизнь младенцу, производит на свет жизнь, чудо жизни, жизнь всех. "Живота всех", как потом его называют. Ее роды незаконны не только с точки зрения книжников, как внебрачные. Они противоречат законам природы. Девушка рождает не в силу необходимости, а чудом, по вдохновению. Это то самое вдохновение, на котором Евангелие, противопоставляющее обыкновенности исключительность и будням праздник, хочет построить жизнь, наперекор всякому принуждению.

Какого огромного значения перемена! Каким образом небу (потому что глазами неба надо это оценивать, перед лицом неба, в священной раме единственности все это совершается) - каким образом небу частное человеческое обстоятельство, с точки зрения древности ничтожное, стало равноценно целому переселению народа?" (Д.Ж., стр.309-319).

Особое место в романе уделяет Пастернак истории Марии Магдалины и ее отношениям с Христом. Это не просто сопоставление человеческой жизни, судьбы с Божьим миром, это встреча и взаимодействие этих двух миров. Пастернак, приводя историю Магдалины, больше опирается не на Евангелие, а на православную литургию и церковные гимны, которые он хорошо знал. Последние, совершенно очевидно, послужили источником, и стилистическим, и тематическим, для двух стихотворений Ю.Живаго о Марии Магдалине. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить со стихотворениями православные гимны, которые обсуждает в романе Сима с Ларой. Сима приводит цитаты из гимна, написанного известной византийской поэтессой Кассией в 9 м веке: "Яко ночь мне есть разжжение блуда невоздержанна, мрачное же и безлунное рачение греха". "Да обло-

быжу пречистые Твои нозе и отру сия паки главы мояе власы, их же Ева в рай, пополудни шумом уши огласивше, страхом скрися". "Грехов моих множества, судеб твоих бездны кто исследит?" Стихотворения Пастернака, как и гимн Кассии, построены в форме монолога Марии Магдалины, обращенного к Иисусу. У Пастернака, как и у Кассии, Мария Магдалина - это та же самая женщина, которая помазала мирром ноги Христа в доме одного из фарисеев. У обоих Мария Магдалина страдает по ночам от воспоминаний о своем греховном прошлом. Сима приводит еще один гимн, рассуждая о Марии Магдалине: "Разреши долг, якоже и аз власы". Симу восхищает столь вещественное, физически осязаемое раскаяние и жажда прощения: "Как вещественно выражена жажда прощения, раскаяния! Можно руками дотронуться". (Д.Ж. стр.311). Здесь Пастернак, устами Симы, повторяет свое убеждение о единстве небесного и земного, священного и каждодневного, плотского. Этим, по словам Симы, объясняется тот факт, что согласно православной литургии о Марии Магдалине в церкви упоминают в самый канун Пасхи, "на пороге Христовой кончины и Его воскресения". В стихотворении "Магдалина" подобная связь небесного с земным, священного с мирским, раскрывается еще больше, когда ситуация Марии сравнивается с ситуацией Христа - оба проходят через страдания для того, чтобы воскреснуть к новой жизни. Гимн, который цитирует Сима ("Разреши долг, якоже и аз власы") поется в православной церкви накануне Пасхи, во вторник на страстной неделе, когда вспоминают Марию Магдалину. В тот же день в православной церкви поют другой гимн, представляющий из себя молитву Марии Магдалины:

"Приступи жена зломрадная и оскверненная, слезы проливающая, любящи, Спасе, страсть исповедающи: како позрю к Тебе Вла

днце; Сам бо пришел еси спасти блудницу: из глубины умершую
мя воскреси, иже Лазаря воздвигнувый из гроба четверодневна:
прими мя окаянную, Господи, и спаси мя".*

Здесь, как и в стихотворении Ю.Живаго, глубокое раскаяние,
страдание о совершенных грехах и молитва о воскресении к новой
жизни. Здесь также видна параллель между судьбой Иисуса и Марии
Магдалины - страдание, смерть и воскресение - параллель между
земным и небесным, священным и грешным, человеческим, которую
подчеркивает в своем романе Б.Пастернак. Это идея о том, что
Христос приклонил небо к земле, открыл возможность для новых
отношений между Богом и человеком, для новых отношений между
людьми. Единство земного и небесного, их слияние, переплетение
повторяется снова и снова и в романе, и в цикле стихов. Например,
в стихотворении "Гефсиманийский сад" ночной земной пейзаж
естественно переходит в небесных, сливается с ним в единое целое:

Лужайка обрывалась с половины.

За нею начинался Млечный путь.

Седые серебристые маслины

Пытались вдаль по воздуху шагнуть.

Гефсиманийский сад, который приводит к такому слиянию
земного с небесным, становится религиозным символом - символом
дороги жизни. Слова, сказанные Иисусом во время Его борения в
Гефсиманийском саду, вписаны Пастернаком в стих практически
неизмененными, такими, какими мы находим их в Евангелии: "Душа
Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною"

*Великий вторник, на вечерни, стихира на стиховне, глас
6. (из Арне Бодин, Nine Poems from Doctor Zhivago)
(Матфей 26:38).

У Пастернака:

Учеников оставив за стеной,
Он им сказал: "Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со Мной".

(Д.Ж., стр.407)

Если Гефсиманийский сад - это символ дороги жизни, то сон учеников - это символ пассивности, лени, промедления, потери драгоценного времени. Пастернак очень дорожил временем, никогда не предавался безделью и призывал других художников, в стихах, написанных позднее, трудиться, не покладая рук, всегда:

Не спи, не спи художник,
Не предавайся сну.
Ты вечности заложник,
У времени в плену.

(стихотворение "Ночь", 1956 год из 3-го тома Сочинений Б.Пастернака, стр.81).

Другим примером символичности простой человеческой жизни, примером ее равнозначности с событиями небесными является частое сравнение и даже отождествление образа героя романа, Ю.Живаго, с образом Христа и образом героя христианского фольклера Св.Георгия. По-русски Юрий и Георгий - это два варианта одного и того же имени. Центральное стихотворение сборника Ю.Живаго ("Сказка") представляет из себя интерпретацию предания о Св.Георгии и змие. В жизни героя стихотворения "Сказка", Св.Георгия, тезки героя романа, можно проследить много параллелей с жизнью Юрия Живаго.

Но точно так же можно найти много параллелей между Ю. Живаго и Гамлетом из стихотворения "Гамлет". В то же время, герои стихо

творения "Гамлет" ассоциируется как с поэтом вообще, так и с самим автором романа, также поэтом, и кроме того, с Иисусом Христом, молившимся в Гефсиманийском саду перед казнью. Из этого следует, что в Ю.Живаго можно видеть и Св.Георгия, покровителя России, и Гамлета, и поэта, и самого Пастернака, и Иисуса Христа. Это наложение и совмещение всех в одном подчеркивает идею Пастернака о символичности простой человеческой жизни. Помимо того, что Ю.Живаго разделяет со Св.Георгием общее имя, у них есть еще одна общая черта - Св.Георгий считается в народе исцелителем, тогда как Ю.Живаго - врач. В одном из наиболее популярных церковных гимнов, посвященных Св.Георгию, говорится:

"Яко пленных свободитель и нищих защититель, немощствующих врач, Победоносче великомучениче Георгие, моли Христа Бога спастися душам нашим". (Святой и великий мученик Георгий, тропарь, глас 4). *

Св.Георгий также ассоциируется в русских религиозных преданиях с воскресением. Согласно преданию, он трижды умирал смертью мученика и всякий раз возвращался к жизни. Более того, день Св.Георгия (23 апреля) часто следует сразу же после Праздника Воскресения Господня.

Сказание о Св.Георгии, переложенное в поэму "Сказка" в заключительной части книги, обсуждается и в прозаической части романа:

"Волки, о которых он вспоминал весь день, уже не были волками в снегу под луной, но стали темой о волках, стали представлением

* Арне Бодин, *Nine Poems from "Doktor Zhivago"*, Stockholm, Sweden, 1976, p.57.

вражьей силы, поставившей себе целью погубить доктора и Лару или выжить их из Варькина. Идея этой враждебности, развиваясь, достигла к вечеру такой силы, точно в Шутьме открылись следы допотопного страшилища и в овраге залег чудовищных размеров сказочный, жаждущий докторовой крови и алчущий Лару дракон...

...Постепенно перемарывая написанное, Юрий Андреевич стал в той же лирической манере излагать легенду о Егории Храбром... Он услышал ход лошади, ступающей по поверхности стихотворения, как слышно спотыкание конской иноходи в одной из баллад Шопена. Георгий Победоносец скакал на коне по необозримому пространству степи, Юрий Андреевич видел сзади, как он уменьшается, удаляясь..." (Д.Ж. стр.330,331).

В этом отрывке Ю.Живаго представляет себя прототипом Св.Георгия, а Лару - спасаемой им девой. Однако Живаго становится спасителем обреченной девушки только в своем воображении. На деле у него недостает для этого силы воли. Однако здесь следует вспомнить, что согласно легенде Св. Георгий совершает свои подвиги после своей мученической смерти и последующего воскресения. Аналогично этому герой романа умирает в прозаической части для того, чтобы воскреснуть в заключительной части, в стихах. Таким образом, и в легенде, и в романе в целом представлено развитие характера героя от пассивности к активности после воскресения. Стихотворение "Сказка" следует понимать символически, поскольку Ю.Живаго воспринимает дракона как символ зла.

В стихотворении "Рождественская звезда" Пастернак выражает в стихах ту же идею, которую он высказывает устами Иденянина в прозаической части романа - что святое, небесное присутствует

нами, проявляется в символичности обыденной жизни:

А рядом, неведомая перед тем,

Застенчивей плоски

В оконце сторожки

Мерцала звезда по пути в Вифлеем.(Д.Ж. стр.399) -

Звезда находится совсем рядом с пастухами, небо спустилось на землю.

Далее, библейские события часто сравниваются с событиями современными, что придает событиям современности характер исторической предопределенности. Это особенно хорошо прослеживается в последней главе романа, в "Стихах Юрия Живаго" "Земля" и "Август" . Так, прощальные вечера поэта с друзьями описываются в выражениях, аналогичных описанию "тайной вечери" Христа:

Для этого весной ранней

Со мною сходятся друзья,

И наши вечера - прощанья,

Пирушки наши - завещанья,

Чтоб тайная струя страданья

Согрела холод бытия.

(Д.Ж., стр. 403)

Продолжая аналогию библейских событий с земными, Пастернак представляет Христа активным борцом, таким же он видит и Гамлета. Оба исполняют "волю пославшего". Оба становятся судьями над своим временем. То же можно сказать и о поэте, и о самом Пастернаке, и о Ю. Живаго. Только активная стадия жизни Живаго - это его стихи, через которые он воскресает из мертвых и творит в людских душах то, для чего он был послан в этот мир. Живаго, пассивный герой

прозаической части романа, становится активным героем. Когда проза сменяется поэзией, он воскресает к новой жизни.

В своей работе над диссертацией о христианской теме в стихах Ю. Живаго Арне Бодин проводит интересный анализ заметок, сделанных Пастернаком в книгах из его Переделкинской библиотеки. Особый интерес для данного исследования представляют подчеркивания и заметки на полях Евангелия от Матфея. В отмеченных писателем местах речь идет об отношениях между Христом и Его противниками (Матфей 12:30, 34; 15:14; 23:13), о необходимости подражать Христу (Матфей 16:24), об активном вмешательстве Христа в жизнь людей (Матфей 10:34), о триумфе Христа над смертью (Матфей 22:32), о Страшном Суде, на котором судьей будет Христос (Матфей 24:27), о жизнедарующей силе Бога и Его Слова, Христа (Бытие 1:20; Иоанн 7:38; Деяния 5:20). Все эти библейские темы, без исключения, можно проследить в романе *"Доктор Живаго"* - с той только разницей, что то, что в Библии применимо только к Христу, к Его времени, в романе становится применимым и к Живаго, и к поэту вообще, и к самому автору, и к современности. Например, тот факт, что Христос активно вмешивался в жизнь, становится у Пастернака темой борьбы между активными и пассивными принципами; тот факт, что Иисус говорил притчами, становится для Пастернака указанием на символичность реальных событий самой жизни; наконец, библейские заявления о животворящей силе Бога и Его Слова становятся основной идеей романа и определяют само его название *"Ж и в а г о"*.

Однако, воскресение имеет необходимым предварительным условием смерть, и смерть через страдания. И после смерти необходимо активное усилие воли, чтобы пробудиться от небытия к новой жизни,

или к Царствию Божьему. Согласно Евангелию, путь к достижению этой новой жизни, бессмертия, или Царствия Божия, проходит через два этапа. Первый этап - это нравственная подготовка еще несовершенного, тленного человека к моральным законам новой жизни. Эти моральные законы изложены в Нагорной проповеди и в посланиях апостолов, и, с точки зрения невозрожденного человека, противоречат естественным законам самосохранения, законам плоти. Поэтому человеку, желающему войти в Царство Божие, необходимо умереть для желаний плоти, "распять в себе мир", что достигается постоянной борьбой с соблазнами плоти и мира. Эта сторона христианского учения была многими принята как основная и даже единственная цель христианства, что на протяжении истории христианства породило множество великих нравственных подвигов, неслыханных до христианства.

Однако, те высокие нравственные требования, которые предъявляет к Своим последователям Христос, являются как бы результатом уже построенного Царствия Божьего, в котором действуют совершенно другие нравственные нормы и другие отношения между людьми. Эти нормы и отношения противоестественны смертной человеческой природе. Поэтому заповеди нового мира - "любите врагов своих", "возлюби ближнего, как самого себя" и другие, им подобные, невозродившийся человек может исполнить только через преодоление своих естественных склонностей. Эти заповеди - проекция будущей природы человека. И хотя в реальности они для человека недостижимы до конца, все же они заставляют его тянуться вверх, расти духовно, приближаться к задуманному Богом идеалу человека, который был явлен Христом.

Второй этап на пути к Царствию Божию - это преодоление физических законов разрушения и смерти, создание новой, бессмертной физической структуры человека. Примером такого преодоления сил разрушения были действия Самого Христа. Только при комбинации этих двух этапов преобразования - нравственной победы над плотью и физической победы над силами разложения, действующими в мире и в человеке - возможен прочный, непреходящий результат в создании нового человека. При отсутствии последнего этапа подвиги в нравственном усовершенствовании будут несчастными и недолговечными. Именно этому преодолению физических сил разложения, действующих в природе и в человеке, и посвятил труд своей жизни Николай Федорович Федоров, оригинальный русский философ.

Идеи Федорова Пастернак излагает в романе устами другого философа, Николая Николаевича Веденяпина который оказал глубокое влияние на формирование мировоззрения Юрия Живаго. Как и Федоров, Веденяпин говорит о необходимости сознательной, целенаправленной работы по преодолению смерти: "Есть ли что-нибудь на свете, что заслуживало бы верности? Таких вещей мало. Я думаю, надо быть верным бессмертию, этому другому имени жизни, немного усиленному. Надо сохранять верность бессмертию, надо быть верным Христу! (Николай Ник. Веденяпин; Д. Ж., стр.19) "...можно быть атеистом, можно не знать, есть ли Бог и для чего Он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории, что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие есть ее обоснование. А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению. Для этого открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии. Двигаться вперед в этом направ

лении нельзя без некоторого подъема. Для этих открытий требуется духовное оборудование. Данные для него содержатся в Евангелии. Вот они. Это, во-первых, любовь к ближнему, этот высший вид живой энергии, переполняющей сердце человека и требующей выхода и расточения, и затем это главные составные части современного человека, без которых он немислим, а именно идея свободной личности и идея жизни как жертвы... Истории в этом смысле не было у древних. Там было сангвиническое свинство жестоких, оспок изрытых Калигул, не подозревавших, как бездарен всякий порабититель. Там была хвастливая мертвая вечность бронзовых памятников и мраморных колонн. Века и поколения только после Христа вздохнули свободно. Только после Него началась жизнь в потомстве, и человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти, умирает, сам посвященный этой теме..." (Веденяпин) - ("Д.Ж.", стр.20)

Таким образом, по словам Веденяпина, а значит, по убеждению Ю.Живаго и личному убеждению самого автора, христианство внесло качественно новое измерение в жизнь человеческую практическую надежду войти в бессмертие и призыв активно работать для достижения этого нового состояния, которое есть Царство Божие или, как называет его Веденяпин, истинная история человека, начавшаяся с Христа. И новизна этой истории именно в том и состоит, что с приходом Христа открылся путь к преодолению смерти и достижению Царства Божия, т.е. бессмертия. "Николай Николаевич жил в Лозанне. В книгах, выпущенных им там он развивал свою давнишнюю мысль об истории как о второй вселенной, воздвигаемой человечеством в ответ на явление смерти с помощью явления времени

и памяти. Душою этих книг было по-новому понятое христианство..." (Д. Ж., стр. 59).

Интересно, что идею Федорова о необходимости практических усилий для достижения всеобщего бессмертия с энтузиазмом подхватила в советское время группа его последователей. Среди них была Екатерина Крашенникова, молодой историк, с которой Пастернак был знаком. Через нее Пастернак познакомился с работами Федорова по философии "общего дела" и с работами его последователей. Эти труды заставили Пастернака по-новому увидеть, в чем заключается миссия христианства в мире. Для Пастернака жизнь - величайшее благо, Божий дар, и, соответственно, смерть - величайшее зло, которое можно и нужно преодолевать всеми доступными силами. Роман начинается с описания похорон матери Юрия Живаго. Маленькому Юре хочется бежать, что-то сделать, чтобы помочь маме, засыпанной землей. Это непосредственная детская реакция на смерть - со смертью надо бороться. Именно так, по словам Иисуса, и должны входить в Царство Божие люди - непосредственно, с детской верой. Там же, в самом начале книги в качестве символа смерти представлена буря. Буря символически связана со смертью и в других частях романа, и особенно четко, графически она предстает символом смерти в бреду Ю. Живаго. Доктор Живаго заболел тифом, и в тифозной лихорадке ему чудится, будто бы он пишет поэму. "Он пишет поэму не о воскресении и не о положении во гроб, а о днях, протекших между тем и другим. Он пишет поэму "Смятение".

Он всегда хотел написать, как в течение трех дней буря черной червивой земли осаждает, штурмует бессмертное воплощение любви, бросаясь на него своими глыбами и комьями, точь-в-точь как налетают с разбега и хоронят под собою берег волны морского

прибоя. Как три дня бушует, наступает и отступает черная земная буря.

И две рифмованные строчки преследовали его:

Рады коснуться

и

Надо проснуться.

Рады коснуться и ад, и распад, и разложение, и смерть, и, однако, вместе с ними рада коснуться и весна, и Мардалина, и жизнь. И - надо проснуться. Надо проснуться и встать. Надо воскреснуть". (Д.Ж., стр.162).

Чтобы достичь бессмертия, учит христианство, надо умереть и потом воскреснуть обновленным к жизни вечной. Но это воскресение требует усилия со стороны человека. "Надо проснуться и встать", сбросить с себя дремоту смерти, встать, как встал наш Предтеча Христос, "первенец из мертвых". "Царствие Божие силою берется" говорил Христос Своим ученикам. И Пастернак обращает внимание читателей на эту сторону характера Иисуса - на Его активную борьбу со смертью. Активная борьба со смертью, победа над нею лейтмотив всего романа, и в особенности заключительной его части, в стихах Юрия Живаго. Такое построение романа символично. Оно повторяет схему жизни Христа: жизнь - смерть - воскресение и бессмертие. Таким воскресением для Живаго после его смерти становятся его стихи, плод его усилия по преодолению смерти. В них он начинает новую жизнь, над которой разложение и смерть уже не властны.

Призывая подражать Христу в Его активной борьбе со смертью, Пастернак осуждает пассивность, лень, промедление, потерю

драгоценного времени. В этом отношении для Пастернака главной чертой Его характера была нетерпимость по отношению ко злу, осуждение Им лицемерия и пассивности. Главным моментом, определяющим характер Иисуса, по мнению Пастернака, был не Его завет подставлять оскорбляющему другую щеку, а эпизод, когда Он перевернул столы и выгнал из Храма денежных менял. И заканчивается книга стихотворением "Гефсиманийский сад", в котором подводится итог дискуссии о пассивности и активности в борьбе со злом и смертью.

В этом последнем стихотворении Пастернак говорит о "книге жизни", термин, ставший символом еще в Ветхом Завете, но раскрывшийся в полноте в Откровении Св. Иоанна. Согласно Писанию, "книга жизни" — это действительно книга, в которую записаны имена праведников (или прощенных грешников) и совершенные ими добрые дела. У Пастернака, однако, "книга жизни" символизирует предначертанную Богом историю, в которой самым драгоценным моментом является смерть и воскресение Христа. Под "Книгой жизни" Пастернак также подразумевает Библию, пророчества которой сходятся, как в фокусе, в смерти и воскресении Господа. Добровольная смерть Христа и Его последующее воскресение становятся переломным моментом в истории человечества и примером, которому должны подражать все последующие поколения. Его смерть и воскресение — это воплощение Его притчи о зерне, которое не принесет плода, если не умрет.

И так, притягательностью Своего примера, Иисус зовет все человечество последовать по Его стопам, через страдание, смерть и усилие воскресенья, войти в Царство Божие. Он приглашает войти в это Царство добровольно. В этом отношении — Христос совершенно

новый тип лидера, близкий и понятный каждому человеку. И с Неро, как сказал Ведыяпин, началась истинная история человека. До Христа существовала история народов, личность простого смертного роли не играла. И вот пришел Он, простой плотник из ничем не знаменитого местечка, и все изменил. "Рим был толкучкою заимствованных богов и завоеванных народов, давкою в два яруса, на земле и на небе, свинством, захлестнувшимся вокруг себя тройным узлом, как заворот кишок. Даки, герулы, скифы, сарматы, гипербореицы, тяжелые колеса без спиц, заплывшие от жира глаза, скотоложество, двойные подбородки, кормление рыбы мясом образованных рабов, неграмотные императоры. Людей на свете было больше, чем когда-либо впоследствии, и они были сдавлены в проходах Колизея и страдали.

И вот в завал этой мраморной и золотой безвкусицы пришел этот легкий и одетый в сияние, подчеркнута человеческий, намеренно провинциальный, галилеиский, и с этой минуты народы и боги прекратились и начался человек, человек плотник, человек пахарь, человек-пастух в стаде овец на заходе солнца, человек, ни капельки не звучащий гордо, человек, благодарно разнесенный по всем колыбельным песням матери и по всем картинным галереям мира". (Д.Ж., - Ведыяпин - стр.43-44).

С рождением Христа началась история человека. "Что то сдвинулось в мире. Кончился Рим, власть количества, оружием вмененная обязанность жить все поголовностью, всем населением. Вожди и народы отошли в прошлое.

Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим

содержанием пространство вселенной. Как говорится в одном послании на Благовещение, Адам хотел стать Богом и ошибся, не стал им, а теперь Бог становится человеком, чтобы сделать Адама Богом ("человек бывает Бог, да Бог Адама соделает"). (" Д. Ж ", стр.310).

Рождение Христа, говорит в своих стихах Ю.Живаго, определило не только содержание, но и форму будущего:

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.
Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры...
...Все злей и свирепей дул ветер из степи...
.. Все яблоки, все золотые шары.

(Д. Ж. стр.399)

Мысль о влиянии христианства на все сферы искусства видна в сравнении Блока с Рождеством, с картиной поклонения волхвов, изображаемой голландскими мастерами (наиболее знаменитая из них - картина Брейгеля, написанная им в 1567 году).

"Вдруг Юра подумал, что Блок это явление Рождества во всех областях русской жизни, в северном городском быту и в новейшей литературе, под звездным небом современной улицы и вокруг зажженной елки в ростинной нынешнего века. Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым

лесом." (там же, стр.71).

Пастернак уподобляет Блока русской картине Рождества? Во-первых, потому, что в произведениях Блока большую роль играет зимний русский пейзаж.

А.Бодин указывает также на несомненную связь христианских стихов Ю. Блока с православными иконами и, следовательно, с византийской традицией христианства, согласно которой, в отличие от традиционного западного поклонения волхвов и поклонения пастухов трактуются как одно и то же событие. На русских иконах волхвы и пастухи изображаются в зимнем пейзаже.

Во-вторых, Блока, как и Пастернака, привлекала поэзия Рождества. Блок написал о Рождестве в своей статье "Безвременье", опубликованной в 1906 году, следующее:

"Праздник Рождества был светел в русских семьях, как елочные свечки, и чист, как сола. На первом плане было большое зеленое дерево и веселые дети; даже взрослые, не умудренные весельем, меньше скучали, кутясь около стен. И все плясало и дети, и догорающие огоньки свечек". *

Пастернак, в своем "Блоковском сборнике", изданном в 1972 году в Тарту, отождествляет "Прекрасную Даму" Блока с Богородицей:

"Но "прекрасную Даму", т.е. русскую Богородицу в почитании обрусевшего европейца или офранцуженного дворянства или Российской прибалтийской столицы, впитавшей в себя блага нового французского и немецкого искусства, эту Даму и вообще этот

*А. Блок, "Собрание сочинений" в восьми томах, Москва Ленинград, 1962 г., том 5, стр. 66.

настоящего рыцарства на Достоевских кварталах Петербурга выдумал Блок, это его поэтическая идея и концепция, она реалистически уместна, без нее действительность тех лет и мест осталась бы без выражения" *

Пастернак видит всю культуру в истории, начавшейся после рождения Христа, как отражение, преломление христианской темы - в живописи, музыке, литературе, в быту. Если внимательно перечитать стихи Ю. Живаго, в них легко прослеживается сходство с известными (и не столь известными) произведениями искусства различных жанров и различных эпох, религиозными и светскими, русскими, западными и восточными. Этим Пастернак хочет показать насколько универсально, интернационально культурное наследие христианства. Например, стихотворение "Рождественская звезда" приводит на память полотно Брейгеля, посвященное Рождеству (тот же зимний пейзаж, присутствие собак и ослов), русские иконы (где волхвы и пастухи изображены вместе, как и у Пастернака), Блока, которого сам Пастернак называет "явлением Рождества во всех областях русской жизни, в северном быту и в новейшей литературе". Образ Христа перекликается с образом Гамлета в стихотворении Ю. Живаго "Гамлет", стихотворения Магдалина I и II близко напоминают русские православные гимны и другие поэмы русских поэтов, посвященные Марии Магдалине и Воскресению Господа (А. Толстой "Грешница"), сказалось в них и влияние поэмы Райнера Марии Рильке "Pieta", хотя последняя фундаментально отличается от стихотворений Ю. Живаго в вопросе интерпретации этих событий (у Рильке нота безнадежности и неминуемого крушения и Христа, и Марии, у Пастернака - утверждение о грядущем триумфе Христа и о

* "К характеристике Блока", там же, стр. 452.

воскресении Марии).

Такое универсальное проникновение христианской темы во все области искусства и жизни свидетельствует о том, что приглашение Христа войти в историю, т.е. в "Царство Божие", было принято человечеством и уже начало приносить первые плоды бессмертия. Главное, революционизирующее отличие Нового Завета, Завета Христа, от Ветхого Завета в том и состоит, что Христос поднял значимость индивидуальной человеческой жизни над значимостью вождей народов и племен. Он повел за собой людей не силой и страхом, а любовью и личным примером. Христианское учение "не было утверждением: так-то, мол, и так-то. Оно было предложением наивным и несмелым. Оно предлагало: хотите существовать по новому, как не бывало, хотите блаженства духа? И все приняли предложение, захваченные на тысячелетия.

Когда оно говорило, в царстве Божием нет эллина и иудея, только ли оно хотело сказать, что перед Богом все равны? Нет, для этого оно не требовалось, это знали до него философы Греции, римские моралисты, пророки Ветхого Завета. Но оно говорило: в том сердце задуманном новом способе существования и новом виде общения, которое называется царством Божиим, нет народов, есть личности". ("Д.Ж.", стр.101).

Пастернак завершает свой роман стихотворением "Гефсиманийский сад", которое, как последним аккордом, заканчивается пророчеством Христа о Его воскресении и неминуемой победе и о Его суде над всеми когда-либо жившими на земле:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как славляют по реке плоты,

Ко Мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты".

("Доктор Живаго", стр.408).

Так, на должной ноте заканчивается насквозь христианский по
духу роман Пастернака "Доктор Живаго", в котором автор, в
эпоху воинствующего атеизма, представил свое, по-новому понятое
учение Христа - учение о величии и святости жизни, о
необходимости активно бороться со злом и смертью и о неминуемом
торжестве добра, жизни и Христа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Помимо рассмотренных выше, в советское время были написаны и многие другие произведения литературы, трактующие тему христианства, не дающие этой теме уйти в забвение. Но приведенные здесь работы достаточно ясно свидетельствуют об интересе к этой теме, о разнообразии подхода к ней, о неумирающей актуальности вопросов, поднятых Библией, о непреходящей притягательности образа Христа для всех поколений. Один русский мыслитель, ученик Павла Флоренского в духовной семинарии А.К. Горский, сказал о важности образа Христа для каждого художника следующее: "Никто не сможет и не сумеет отрицать значимости Христа как художественного образа. С Ним, следовательно, посчитаться, с Ним встретиться лицом к лицу обязан каждый художник, претендующий на сколько-нибудь крупные задачи в искусстве. Одно из двух: либо это не есть образ Совершенного человека и тогда художнику предстоит мудреная задача - начертать образ "другого", более "совершенного", более нас удовлетворяющего (но всякая такая попытка роковым образом сводится к "начертанию зверя", обезьяночеловека); либо жизнь этого Человека есть подлинно идеальный образ человеческой жизни, вообще - "образ образов". В таком случае в Него упирается путь каждого искусства. Этим и только этим образом измерит сам себя до конца человек. Вот откуда вырастает необходимость в наше время для каждого художника сказать какое-то слово о Христе, к евангельским повествованиям Матфея, Марка, Луки, Иоанна прибавить рассказ о своей встрече с Тем, Кто к своим пришел, хотя свои Его не узнали. Всякий художник вынуждается ныне силою вещей стати

Евангелистом" (С Семенова, стр. 230).

И сегодня, в трудные времена отказа от привычных ценностей, христианская тема и образ Христа особенно важны в русской литературе, как эталон, по которому следует проверять себя, и как образец, по которому следует жить и работать.

Библиография

- Алфеева, В. "Джвари". Журнал "Новый мир" #7, 1989, Москва, стр. 1-85
- Айтматов, Ч. "Плаха". Журнал "Новый мир" #6, 1986, Москва.
- Библия. Каноническое синодальное издание. Библические общества
- Блок, А., "Собрание сочинений" в восьми томах, том 3, Москва Ленинград, 1962.
- Борисов, В.М. "Река, распахнутая настесь. К творческой истории романа Бориса Пастернака "Доктор Живаго" (в кн.: Б.Пастернак Доктор Живаго М "Книжная палата". 1989).
- Bodin, Arne. *Nine Poems from Doktor Zivago*
A Study of Christian Motifs in Boris Pasternak's Poetry. (Almqvist & Wiksell International, Stockholm, Sweden, 1976).
- Булгаков, М. "Мастер и Маргарита"
- Домбровский, Ю. "Факультет ненужных вещей". YMCA PRESS, Paris, 1978.
- Зеркалов, А. "Евангелие Михаила Булгакова", Ardis, ANN Arbor, 1984.
- Кюнг, Г. "Быть христианином". Перевод с немецкого Slavic Gospel Association, Wheaton, Illinois, 1989
- Livingstone, Angela. *Pasternak. Doctor Zhivago Landmarks of world literature* University of Essex. (Cambridge University Press, Cambridge, 1989).
- Льюис, К. "Сущность христианства" Издание второе Перевод с английского. Collins Publishers, Chicago, Illinois, 1985
- Lukashevich, Stephen. *N.F.Fedorov (1828 1903). A Study in Russian Eupsychian and Utopian Thought*, (Newark, University of Delaware Press London. Associated University Presses, 1977

Непомнящий, В. "Предлагаем жить". Литературная газета

#37, 12 сентября 1990 года, Москва.

Пастернак, Борис. *Воздушные пути*. Проза разных лет. (Москва, Советский писатель, 1983).

..... *Доктор Живаго*. Со вступительной статьей Евгения Пастернака (Москва, Издательство "Книжная палата", 1989).

..... *Записи разных лет*, (Москва, 1975, стр. 142-144).

Семенова, Светлана. "Всю ночь читал я Твой завет..." *Образ Христа в современном романе*, ("Новый мир", #11, 1988).

Shneidman, N.N. "*Soviet Literature in the 1980's*". University of Toronto Press. Toronto, Buffalo, London, 1989.

Тендряков, В. "Покушение на миражи". Журнал "Новый мир" ##4,5, 1987, Москва.

Федоров, Н.Ф. *Сочинения*, (Академия наук СССР, Институт философии, Издательство "Мысль", Москва, 1982).

Wilson, Edmund. *Legend and Symbol in "Doctor Zhivago"* (Encounter, June 1959, pp. 5-16).